

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

**СЧЕТ
В БАНКЕ
И ДЕТИ
В НАГРУЗКУ**

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева

Счет в банке и дети в нагрузку

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Счет в банке и дети в нагрузку / Л. Соболева — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-094850-5

Кирилл Андреевич – молодой, но известный в городе архитектор – отлично устроился в жизни. Его фирма процветала, дети росли, хорошенькая и глупенькая любовница радовала. Правда, супруга не хотела давать ему развод, и надежда уладить проблему таяла. И вдруг жена утонула... Любовница поспешила занять вожделенное место, но ее убили прямо в день бракосочетания, а самого архитектора посадили как главного подозреваемого... Злой рок над его домом навис, не иначе! Кто же мстит Кириллу и за что? Или дело вовсе не в мести? Об этом знают только два человека: убийца и сыщик... Ранее книга издавалась под названием «Фрейд и его госпожа»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094850-5

© Соболева Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	14
3	22
4	28
5	36
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лариса Соболева
Счет в банке и дети в нагрузку

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

Ее обнаружила домработница. Часов в десять утра она привела мастера, который должен был почистить бассейн, открыла кладовую, где находилось оборудование, и, подойдя к краю бассейна (там лежали брошенные халат с полотенцем, она хотела их забрать), у-ви-де-ла.

Увидев, оторопела. В первый момент женщина не поняла, что в воде труп, а не живой человек, ведь всегда надеешься на лучшее, хотя уже не нужно надеяться. Но неожиданная смерть бьет по нервам не хуже электрического тока и лишает всяческого соображения, с трудом доходит, что это смерть навестила дом. Поэтому, глядя на воду с изумлением, женщина произнесла нелепую фразу:

– Что она там делает?

Мастер, разматывая шнур водного пылесоса, приблизился к краю и едва сам не упал в бассейн от шока: до этого дня ему не приходилось встречать утопленников на рабочем месте. Хоть в воде и лежала красивая женщина в ярко-зеленом купальнике, но сердце мужчины сжалось от суеверных предчувствий: не к добру с утра обнаружить труп!

– Она... это... в общем... – промямлил он, не решаясь назвать вещи своими именами. – Короче, все. Позвать надо...

– Кого? – никак не приходила в себя домработница.

– Всех, кто есть. – Он отбросил шнур в сторону, взял женщину за локоть и потянул к выходу: – Идемте, вместе позовем. Здесь нежелательно находиться.

Она послушно подчинилась, но смотрела назад, смотрела и тогда, когда фигура в зеленом купальнике пропала из поля зрения, лишь гладь воды отливала неестественной голубизной. Может, домработница думала, что утопленница вдруг вынырнет и рассмеется: как вам моя шутка?

– Я прошу тебя, срочно приезжай домой, – повторила в трубку Полина в третий раз. Видимо, брат убеждал ее, что он занят, а она ведь не объяснила, зачем вызывает его. – Да, случилось! Наконец-то дошло до тебя... Кирилл, я не могу об этом говорить... Нет, ты здесь очень нужен. Только будь аккуратней на дорогах.

Полина положила трубку в карман махрового халата, заходила по гостиной вся сама в себе. Марианна ее понимала: событие из области кошмарных снов невозможно объяснить, оно повергло их обеих в шок, что за ним последует – не хотелось даже гадать. Несмотря на волнение, Полина ходила как заторможенная, бесцельно, видимо, статичность сейчас не соответствовала ее внутреннему состоянию.

Держа на коленях четырехлетнюю Настеньку, Марианна жалась в углу дивана и не сводила с Полины глаз. Сестре Кирилла был тридцать один год, жила она с братом, но что характерно, Полина единственная относилась к гувернантке племянников без барской заносчивости. Правда, подружками их тоже нельзя было назвать, но нечто среднее между ними зародилось с первого дня, к тому же они были близки по возрасту – Марианна старше на пять лет. А вот утопленница, то есть хозяйка, при каждом удобном случае подчеркивала свое преимущество, ставя Марианну на место, чтобы гувернантка нечаянно не забыла, кто она есть. Зато с Полиной можно было потрещать о том о сем. Если природа обделила ее яркой внешностью, то наделила уравновешенным и справедливым нравом, хотя и она, случалось, поддавалась эмоциям – в этом доме сложно было оставаться невозмутимой. Одна особенность не переставала удивлять Марианну: стоило поговорить с Полиной полчаса, как она непонятным образом преображалась: становились заметными ее большие печальные глаза цвета охры, объемные губы, стеснительная улыбка, делавшая ее лицо трогательным, пышные волосы без укладки орехового

цвета, длинная шея... В общем, вроде бы бесцветная Полина вдруг превращалась на глазах в само очарование.

– Он сейчас приедет, – после длинной паузы сказала она и снова достала трубку: – Алло, Антон? Ты не мог бы немедленно приехать?... Это срочно. У нас... Наша Нонка утонула... В бассейне, конечно, где же еще!.. Не знаю, я ничего не знаю, вызвала Кирилла. Вы уехали спозаранку, Нонку нашла домработница... А что еще в таких случаях делают? Зачем они здесь? Ты думаешь?... Хорошо, сейчас вызову.

Полина машинально сунула трубку в карман, опять заходила по гостиной, внезапно повернулась к Марианне:

– Антон сказал, надо вызвать милицию.

– Да? – встрепенулась Марианна, после паузы пожала плечами. – Ну, раз надо, то надо. Чего ты испугалась?

– Я не испугалась... – потупилась Полина. – Просто начнут копать в грязном белье... противно. Но они должны установить, отчего наступила смерть, как будто это и так не видно! Врачи сами могут установить... да?

– Тогда давай подождем врачей, – робко предложила Марианна. – Надеюсь, они лучше знают, вызывать нам милицию или не стоит.

– Я тоже так думаю.

Вдруг обе вздрогнули от голоса Шурика, словно их застали на месте преступления:

– Доброе утро, это я. Напугал вас?

– Немножко, – сказала Полина.

Шурик жил по соседству, он подружился с Полиной и частенько захаживал, не вызывая раздражения у ныне утопшей хозяйки, которая обычно сердилась из-за любого пустяка. Нонна уважала людей с положением, а папа у Шурика был прокурором – ни больше ни меньше, поэтому его сын был желанным гостем. Выглядел он школьником старших классов, неизменно отличником, хотя учился в университете, оканчивал уже четвертый курс. Собственно, Шурик и был круглым отличником, кстати, вовсе не из-за родительских внушений, о нет! Он учился самостоятельно, но так усердно корпел над учебниками, что уже приобрел хроническую сутулость при своем небольшом росте. Его розовощекая физиономия казалась вымытой с мылом до блеска, кукольные черты лица напоминали пупсика из мультлика, аккуратные зачесанные светлые волосы придавали ему вид маменькина сынка. При встрече с Шуриком всем невольно хотелось улыбнуться: представлялось, как мама с любовью зачесывает волосы сыну расческой. Даже костюм с галстуком несколько не прибавлял ему солидности. Марианна считала его глуповатым, этому инфантилу повезло родиться в семье, способной обеспечить его будущее.

Шурик упал в кресло, посмотрел на Полину влюбленно, затем удивленно на Марианну, заметил:

– Вы какие-то унылые.

– У нас несчастье, Шурик, – проговорила Полина. – Нонна утонула в бассейне. Извини, нам сейчас не до тебя.

– Утонула?! – округлил голубые глаза он. – Я пойду... э... посмотрю...

– Не стоит, – остановила его Полина. – Мы ждем «Скорую».

– А милицию вызвали? – осведомился он.

– Да... Нет... – запуталась Полина. – Знаешь, Шурик,ждемся врачей, потом... Вот напасть!

– Я советую...

– Шурик, умоляю... – протянула Полина, явно будучи на взводе. – Не надо ничего советовать... Кажется, кто-то приехал.

«Скорая» остановилась у ворот одновременно с автомобилем Кирилла. Полина отозвала брата в сторону. Врачей проводила к бассейну Марианна, сама не стала подходить. Молодой врач вернулся почти сразу, к тому времени подошла и Полина с бледным и потерянным Кириллом.

– Зачем нас вызвали? – напустился врач на брата с сестрой, заодно одарив гневным взглядом и Марианну. – Мы – «Скорая помощь». Помощь! Нас вызывают к больным людям, а не к покойникам! Вы разве не видели, что она мертва? К тому же давно. Помочь мы ей ничем не сможем.

– Но... вы же должны установить причину смерти... – зарделась от волнения Полина.

– В вашем случае женщиной в бассейне должны заняться правоохранительные органы вместе с медэкспертом, – процедил сквозь зубы врач. – Они же установят причину смерти, а я могу только сказать то, что вы знаете без меня. Может, ее утопили, в таком случае причины будут не те, что сейчас кажутся очевидными.

– Бог с вами! – всплеснула руками Полина. – Кому ее здесь топить?!

– Не знаю, меня это вообще не волнует. – И он бросил женщине в белом халате: – Иди к машине, вызови милицейскую группу. Ну, вот, теперь и нам придется ждать... Да, господа хорошие, а кто-то ведь нуждается в нашей помощи, но не получит ее из-за вас.

Все были уверены, что он не прав, наезжая на родственников утопленницы, но, столкнувшись с подобной проблемой впервые, они не посмели возразить врачу. Что поделать, нынче далеко не всех врачей отличают вежливость и такой анахронизм, как сочувствие. Растерянная Полина предложила всем пройти в дом, а когда народ расселся по креслам и диванам, она вообще сморозила:

– Может, чаю?

По красноречивым взглядам собравшихся Полина поняла, что ее предложение в данной ситуации неуместно, и скромно присела в уголке, сложив ладони на коленях. Рядом с ней встал Шурик, опершись спиной о стену, и молча наблюдал за всеми.

Четверть часа тянулось нескончаемо долго, а всеобщее молчание привносило в напряженную атмосферу ожидания драматически тревожную ноту, которую подчеркивали громко тикающие напольные часы. Даже Настенька вела себя тише воды и разговаривала с Марианной, не выпуская из рук, шепотом.

Собственно, все они по отдельности склонялись к тому, что произошел несчастный случай, но фраза доктора: «Может, ее утопили» взбаламутила их, подняла у каждого со дна души разного рода страхи. Черт его знает, что подумают товарищи из органов, которым нужны звездочки на погонах, репутация гениев розыска, а то и взятка в крупном размере? Такова жизнь: на чьи-либо порядочность и справедливость рассчитывать не приходится.

Появился Антон, оглядел пасмурную компанию и, не задавая никаких вопросов, прислонился к дверному косяку плечом. Вот кто отвечал самым требовательным вкусам женщин, читающих любовные романы, – друг Кирилла. Мужчины в тридцать пять (особенно смазливые) выглядят либо вечными мальчиками, либо они уже обременены жизненным опытом и кажутся молодыми стариками. Антон, оставаясь в отличной форме, не согнулся под «гнетом жизненного опыта»: он отличался жизнерадостностью и коммуникабельностью, но дистанцию соблюдал, при всем при том палец ему в рот не стоило бы класть никому.

Маятник чудовищно медленно отстукивал время, наверное, у каждого было впечатление, будто в виски ударяет молоток и в голове стоит сплошной звон. Взгляды присутствующих невольно обращались к огромному ящику с циферблатом, напоминавшему гроб. В конце концов Кирилл не выдержал, подошел к часам, открыл дверцу и остановил маятник. Наступила гробовая тишина, воздействие которой оказалось хуже звона в ушах от маятника. Изредка тишина эта «разбавлялась» покашливаниями и протяжными вздохами.

Группа оперативников деловито шагала к бассейну, следом семенил Шурик.

– Здравствуйте, меня зовут Горчаков Шурик... – представился он.

– Горчаков? – сделал акцент на его фамилии старший группы Таничев. – Ты случайно не родственник Захару Альбертовичу?

– Ага, – обрадовался Шурик. – Это мой папа. Можно мне присутствовать при осмотре места происшествия? Я будущий криминалист, на четвертом курсе учусь, на «отлично». Мне это очень нужно!

– Только под ногами не путайся, – не возражал старший.

– Спасибо!

Никому неохота было лезть в воду за утопленницей, но пришлось. Нашелся доброволец из молодых оперативников, коим море по колено: свежие трупы у таких молодцев не вызывают брезгливости. Родственники и знакомые утопленницы не присутствовали при этом, они остались в гостиной – изводить себя тишиной.

– Следов насилия нет, – сообщил эксперт после первичного осмотра трупа.

У Шурика потухли глаза, он, как только увидел утопленницу, уже выстроил пирамиду из загадок, которые распутать будет чертовски увлекательно. Все это время, пока с утопленницей разбирался Таничев, Шурик внимательно осматривал бассейн и прилегающую к нему территорию.

Пластиковые кресла и стол, на столе – ваза с фруктами, бутылка вина и бокал, пепельница, сигареты и зажигалка. Махровый халат небрежно брошен на край бассейна, прямо на пол, у схода в воду, на халате лежало банное полотенце, тут же стояли тапочки. Шурик живо воспроизвел картину: Нонна Валерьевна пришла поплавать не одна, а с убийцей, и, как только они оба окунулись в воду... Но раз следов насилия нет, ее смерть, выходит, была до обидного прозаичной. И все же в любой прозе есть за что уцепиться, если поднапрячься.

– Значит, это не убийство? – робко уточнил Шурик: ведь мнение эксперта, проработавшего с трупами много лет, немаловажная вещь.

– Убийство – это всегда насилие, а следы насилия остаются на теле, – разъяснил Таничев будущему криминалисту. – Если бы ее топили, применили бы силу, а она сопротивлялась бы, верно? В этом случае должны были остаться хотя бы незначительные кровоподтеки, а их нет.

– Понятно, – кивнул Шурик. – Значит, самоубийство?

По его мнению, самоубийство на пустом месте не случается, к нему прилагается множество причин с различными привходящими обстоятельствами, следовательно, есть косвенные виновники, а часто имеются и прямые – для этих и статья существует: доведение до суицида. Правда, доказать такое крайне сложно.

– Может, и несчастный случай, – вторично охладил его пыл Таничев, вынимая градусник из воды. Некоторое время он думал, глядя на показания термометра. – Смерть наступила примерно около трех часов ночи.

– Что это ей вздумалось плавать, когда все нормальные люди спят? – недоумевающе заметил Шурик, забыв о своем обещании не путаться под ногами.

– Наверное, у нее бессонница была. Посмотрим, что вскрытие покажет, иногда оно преподносит сюрпризы. Однажды один мужик утонул там, где воды-то было по пояс. Дурачились в воде, он поскользнулся, упал, ну и не встал. Друзья думали, он шутит, а когда вытащили, прослезились. Никто не мог понять, как здоровый мужик мог утонуть в луже. Ему искусственное дыхание и массаж сердца делали, трясли его, а он – труп трупом. На вскрытии причина смерти оказалась до безобразия банальной: рыбка попала ему в гортань и застряла. А смерть наступила от шока вследствие раздражения окончаний блуждающего нерва. Как рыбка ему в рот заплыла – я до сих пор не понимаю, но факт имел место.

– В этой воде ни один микроб не выживет, не то что рыбка, – обиженным тоном проворчал Шурик, будто Таничев нарочно не хотел признать смерть Нонны Валерьевны далекой от

несчастливого случая. – Она хлорированная, дезодорированная, подкрашенная и фильтрованная!

Утопленницу упаковали в мешок, уложили на носилки. Таничев и Шурик шли за ней до машины. Рядом с экспертом, плечистым и мордастым, похожим на киношного братка, Шурик очень проигрывал.

– М-да, жаль, – вздохнул Таничев, наблюдая за погрузкой тела в машину. – Молодая, красивая, судя по бассейну, как сыр в масле каталась... Ну, я поехал, погляжу, что у нее внутри.

– А можно мне приехать к вам и узнать результаты вскрытия? – с серьезной миной, почему-то смешившей многих его знакомых, спросил Шурик.

Таничев затянулся сигаретой, глядя на паренька по-доброму, с отеческой улыбкой. Многих молодых людей сейчас ничем нельзя увлечь, его собственный сын, учась на хирурга, и то не проявляет должного интереса к уникальным случаям. Друг Таничева частенько зовет его сына на операции, а тот отмахивается, отсюда и проистекают конфликты. Шурик – из завидной семьи, ему вообще не надо особо напрягаться, папа и так предоставит ему надежное местечко, обеспечит тыл, если сыночек проявит нерадивость. Однако мальчик весьма любознательный, рвется к познаниям, в этом смысле остается позазавидовать его родителям.

– А зачем тебе? – все же поинтересовался Таничев. – Ты же в криминалисты готовишься, вон Дагоев тебя проконсультирует.

– Мне хочется вникнуть в специфику всех профессий, связанных с работой следственных органов. Думаю, пригодится в дальнейшем.

– Похвально. Ну, ладно, заезжай, Шурик, раз уж так рвешься, – разрешил Таничев.

Два оперативника – добровольный ныряльщик Юлий и Викентий – тщательно осмотрели бассейн, заглянув во все закоулки. Во время погрузки трупа в машину оба вышли покурить, тут-то Викентия и привлекла женская фигура, сидевшая в плетеном кресле в задумчивой позе. А привлекла знакомыми чертами. Викентий сделал несколько шагов к ней, узнал, подошел ближе:

– Марианна?

Она подняла голову:

– Кент? Ты или не ты?

Именно так его звали в школе, было это очень давно, в соседнем маленьком городке. Кент дружил с Марианной, все думали, что в будущем они поженятся. А потом она уехала учиться, он ушел в армию... Марианна вышла замуж и обосновалась (как ни странно) в деревне. Викентий поступил в милицейскую академию, женился, обзавелся двумя детьми. Обычно их нечаянные встречи приносили им взаимную радость. Так бывает, особенно когда людей некогда связывала первая любовь и после этого они долго не виделись, – их тянет посидеть где-нибудь в укромном уголке и потрепаться под рюмку чая на тему «как живешь». Марианна отнюдь не выказала изумления, увидев Викентия, ее глаза не блеснули радостью. Удивился как раз он:

– Что ты здесь делаешь?

– Работаю, – ответила она вяло, словно у нее была высокая температура и по этой причине ее оставили силы. – Гувернанткой.

– Гувернанткой?! – Викентий придвинул свободное кресло, сел напротив. – Ты – гувернантка?!

– А чем эта профессия хуже любой другой? – не оскорбилась Марианна. – Да, я гувернантка, у меня неплохо получается воспитывать детей.

– Не обижайся, – смутился Викентий. Ее настроение было вполне оправданно: она к трупам не привыкла в отличие от него, потому их диалог завязался неудачно. – Просто я помню, как ты хотела стать переводчицей, ездить по разным странам...

– Мало ли кто о чем мечтал в детстве, позже появляются другие мечты, более реальные.

– Слышал, ты замуж вышла?

– И развелась. Больше года назад. Погоди... а почему ты здесь? – опомнилась она и уже с любопытством посмотрела на него.

– По работе. В милиции работаю.

– А... – протянула Марианна, улыбнувшись. – Значит, и твои мечты разбились о суровую действительность?

– Не сказал бы, у меня все нормально сложилось.

– А это нормально – трупы, убийства, воров, мошенники?

– Пока есть воров, убийцы и мошенники, а они всегда будут, мы без работы не останемся, это плюс. Наш майор сюда топают, будет вас допрашивать. Идем? – Оба неторопливо двинулись к входу. Викентий быстро и тихо предложил: – Давай встретимся, хоть поговорим? Назначай день, желательно вечером.

– Даже не знаю, что сказать, – в тон ему прошептала Марианна. – У меня один выходной – четверг, а теперь как быть? Дети остались без матери.

– Тогда бери мои телефоны, – сунул ей карточку Викентий. – Как надумаешь, я всегда готов. Столько лет прошло...

В дверях они столкнулись с майором в штатском. Тот пропустил Марианну вперед – вежливый! Он представился, уселся в кресло, раскрыл папку, долго устраивал ее на коленях, действуя угнетающе на присутствующих такой скрупулезной подготовкой к опросу. Наконец майор приготовился писать, но прежде он оглядел потрясенные лица, оглядел внимательно, словно уличая в чем-то каждого в отдельности. Хотя в чем? В подобных обстоятельствах и без «господ ментов» любой человек почувствует некую беспричинную вину или страх, что его заподозрят в подлых делишках.

– А как случилось, что ее обнаружили только утром? – задал первый вопрос майор. Ему ответили дружным молчанием. – Кто муж утонувшей женщины?

– Я, – поднял голову Кирилл.

Он сидел согнувшись, локти держал на коленях, переплетя пальцы. Викентий оценил его положительно: умные глаза, лицо не красавца, но приятное и холеное, одежда безупречная. Сразу видно: человек работает головой, а не лопатой.

– Ваше имя-отчество? – спросил майор.

– Кирилл Андреевич.

– Чем вы занимаетесь, место работы?

– Я архитектор. Проектирую частные домовладения, иногда мои рабочие их строят.

– Как же так, Кирилл Андреевич, утром вы проснулись, а рядом нет жены, неужели не задались вопросом: где она?

– Не задался, – с чуть заметным вызовом ответил тот, разведя ладони в стороны. – Разве моя жена не имела права встать раньше меня и заняться своими делами?

– Но вы, надеюсь, завтракаете вместе...

– Не всегда. Вчера у нас были гости...

– По какому поводу? – Все-то нужно было знать майору!

– Купили проект, стало традицией отмечать это событие. Отмечаем обычно у меня, в ресторане не пообщаешься, там шумно и посторонних полно, а разошлись все к двум часам ночи. Я сразу ушел спать, утром опаздывал, выпил кофе и поехал.

– Гости все разошлись, никто не остался?

– Только Антон, мой друг. Мы работаем вместе.

– Это я, – приподнял ладонь Антон.

– Остальные разъехались, – повторил Кирилл, – я лично всех провожал.

– Вы поехали на работу вместе с другом?

– Да, вместе. Я отвез его на объект, сам отправился в контору.

– Кто-нибудь видел, как Нонна Валерьевна шла в бассейн? – Опять дружное молчание. – А почему она решила плавать ночью? Обычно люди перед сном принимают душ, тем более после утомительного застолья.

– Она у нас была необычная, – буркнул вдовец, нервно ломая пальцы.

– Кстати, чем занималась ваша необычная жена?

– Она зубной техник, работала в частной клинике.

Майор задал еще несколько вопросов, но, не имея оснований для каких-либо подозрений, вскоре попрощался. Шурик безмолвно внимал, изучал, анализировал. Его мордашка пупса была напряженно-сосредоточенной, и что он заметил – так это отсутствие глубокой скорби по поводу нелепой кончины хозяйки дома практически у всех допрашиваемых. Не странно ли?..

После ухода милиции Кирилл отправился в кабинет, попросив друга Антона заехать в контору и предупредить, что он сегодня не появится по известной причине. Кирилл упал в рабочее кресло, подпер щеку кулаком и минут десять крутился вправо-влево, затем набрал номер на сотовой трубке. Когда она ответила, он еще некоторое время молчал – до тех пор, пока Тамара не рассердилась:

– Кирилл, в чем дело? Что это за игра в молчанку?

– Тамара, никуда не уезжай.

– То есть?.. – не поняла она.

– Теперь можешь успокоиться, Нонки нет.

– А куда она делась?

– Утонула.

– Как это?! – неподдельно изумилась Тамара. – Говори яснее, что ты имеешь в виду?!

– Куда уж ясней, – с досадой произнес Кирилл. – Повторяю: Нонка утонула в бассейне! Ночью. Вчера набралась и... Тамара, я приеду к тебе, но не сейчас, позже... ближе к ночи. Надо еще детям как-то сказать...

– Боже мой, какой ужас! Прости, Кирилл, я не радуюсь.

– Я тоже. Ты дождешься меня?

– Обязательно дождусь.

Заканчивая диалог, Кирилл направился из кабинета к выходу. Прощаясь с Тамарой, он распахнул дверь, да так и остолбенел, очутившись с гувернанткой нос к носу. Он отбросил полы пиджака, заложил руки в карманы брюк, замер, перекатываясь с каблуков на носки и обратно, что выдавало его раздражение, и грубо спросил:

– Вы что здесь делаете?

– Я к вам, Кирилл Андреевич, – пролепетала Марианна, опуская ресницы. От неловкости щеки ее зарделись, ведь, кажется, он заподозрил ее бог весть в чем. – Хотела постучать, а вы сами дверь открыли...

– Ну-ну, говорите, что вам нужно? – отнюдь не подобрел Кирилл, глядя на гувернантку с неприязнью и высокомерием.

Тихие, скромные женщины без косметики на лице, но с ярко выраженным умом на челе и в очах вызывали у него оскормину. Первая жена была умной, вторая сверхумной – и довольно, иначе самому можно ненароком без ума остаться. Теперь его привлекали красивые, без силы и воли, без претензий на величие и звание «премудрой», с чьим мнением все обязаны считаться.

– Мы будем в коридоре разговаривать? – чуть слышно спросила Марианна, робко намекая, что он ведет себя некрасиво.

Кирилл нехотя отступил, давая дорогу гувернантке, та прошла на середину комнаты, остановилась и обернулась. Молчаливый намек он понял, так же нехотя предложил:

– Садитесь. – Сам прошел к столу, но не сел в кресло, скрестил руки на груди. – Слушаю вас.

– Я пришла посоветоваться. Мне кажется, детям не стоит говорить, что их мать погибла, для них это будет большой травмой.

– Конкретно, что вы предлагаете? – поторопил ее Кирилл.

– А то и предлагаю: не говорить! Когда будут похороны, отправьте меня с детьми на пару дней, например, на базу отдыха. А потом скажем, что мама уехала, в дальнейшем я подготовлю их... в общем, найду, что сказать и как. Сейчас много говорят о том, что врать детям нельзя, но в данном случае это будет святая ложь, поверьте.

– Я подумаю, – сказал он и уставился на нее: мол, долго ты еще будешь здесь торчать?

Марианна прошла к двери, открыв ее, обернулась:

– Извините, Кирилл Андреевич, если помешала.

Он не удосужился ни кивнуть, ни хотя бы посмотреть в ее сторону, набрал номер на трубке. В коридоре гувернантка прикрыла за собой дверь, спустилась в гостиную, где на диване, поджав под себя ноги и кутаясь в махровый халат, сидела Полина. Марианна не могла пройти мимо, она присела на край дивана и участливо уставилась на сестру Кирилла. Видя, что та не обращает на нее внимания, Марианна дотронулась до ее узенькой ступни:

– Полина, я уложила Настеньку, теперь еду за ребятами в школу.

– Угу, – кивнула Полина.

– Не расстраивайся так... Да, Полина, Кирилл Андреевич согласился со мной, что детям говорить не стоит.

– Все равно узнают, излишне «добрых» людей значительно больше, чем нам хотелось бы.

– Ничего, как-нибудь переживем.

В доме укоренилась неоднозначная атмосфера: имелось горе, которое по идее должно объединять людей, ибо вместе пережить его легче, а все избегали друг друга. При этом повсюду стояла поразительная тишина, словно обитатели дома все вымерли, даже шепота не слышалось, хотя в доме было трое детей. Сгусток отрицательной энергии и раньше бродил по дому, теперь же появилось ощущение, будто он заполнил все щели и углы, притаился за окнами. Но, может быть, так всегда случается в подобных обстоятельствах? Может быть, внезапная смерть останавливает жизнь и живых людей, оттого им становится неприятно в доме, где еще чувствуется присутствие того, кого внезапно не стало.

2

– Ну, во-первых, она здорово набралась, – рассказывал Таничев Шурику.

– Пьяная была? – уточнил тот, не имея достаточного представления о действии алкоголя на организм. Да, Шурик был такой: если он и пил, то только бокал шампанского по великим праздникам – в отличие от сверстников парень не увлекался даже пивом.

– Именно, – кивнул Таничев. – Дыхательные пути и легкие у нее залиты водой от и до, словно туда ее подавали насосом.

– Как интересно, – оживился Шурик. – А что это значит?

– Либо она чего-то испугалась, но при этом в момент испуга рот и нос ее были погружены в воду. Произошел интенсивный вдох, когда человек вздрагивает и непроизвольно глубоко вдыхает. Либо она сознательно вдохнула под водой...

– То есть самоубийство?

– Не исключено, – неуверенно сказал Таничев. – Хотя сознательно столько воды в легкие не закачаешь.

– Вас что-то не устраивает в версии самоубийства?

– Что меня может не устраивать, Шурик? – усмехнулся Таничев. – Каждый человек вправе избрать тот способ ухода из жизни, какой ему кажется наиболее подходящим. Лично я не топился бы, это очень неприятная штука, поверь, Шурик. Представляешь, ты вместо воздуха вдыхаешь воду, что ты почувствуешь? Не просто удушье, а, полагаю, боль. Твои легкие распирает вода, грудная клетка, кажется, разрывается, за доли секунды ты передумал уходить из жизни, хочешь высвободить дыхание, а не можешь. Это хоть и быстрая, но мучительная смерть. Нет, лично я бы избрал более «нежный» способ.

– А если она все-таки испугалась? Что, например, ее могло напугать?

– Привидение. Безобразное и страшное.

Не обладая чувством юмора, Шурик подозрительно взглянул на него. Ну, конечно, Таничев пошутил.

– Остается самоубийство, – сказал он сурово. – Женщина из обеспеченной семьи кончает собой, значит, есть те, кто этому способствовал или довел ее до суицида...

– Почему тебе так хочется прилепить кому-то статью? – улыбнулся ему Таничев подкупающе-отеческой улыбкой. – Несчастный случай тоже мог иметь место. Не забывай: дама была пьяна, головка у нее плохо варила, она нырнула – и потеряла ориентиры. Запаниковала, не понимая, где поверхность воды, а это и есть испуг, сделала глубокий вдох под водой – так бывает, и довольно часто.

– Мне кажется, надо отработать версию самоубийства.

– Отрабатывай, раз тебе заняться больше нечем, – равнодушно пожал плечами Таничев.

Вдруг появился бодренький Викентий:

– О чем спор?

– О нашей утопленнице, – ответил Таничев, проходя к столу и начиная рыться в бумагах. – Будущему криминалисту Шурику хочется, чтобы она была самоубийцей.

– А что на самом деле? – дежурно поинтересовался Викентий.

– Похоже, несчастный случай, ибо наша утопленница на момент смерти была пьяна в стельку, – сказал Таничев и протянул ему листы. – Держи, Викентий, это по трупу из лесопарка – четыре пули, две из них смертельные. Шурик пока не знает, что в подобных случаях провести грань между «сам» или «провидение» практически невозможно. Не исключено, что она напилась, желая набраться смелости перед тем, как лечь на дно в прямом смысле слова. Не исключен и вариант случайной смерти, по неосторожности.

Читая протокол, Викентий спросил:

– А какая разница: сама или в результате несчастного случая?

– Видишь ли, Шурику кажется, что ее довели до суицида, следовательно, есть виновники.

– Самоубийцам всегда кажется, что их доводят, на самом деле их подводит больная психика. – Викентий опустил листы вниз и строго посмотрел на Шурика: – Слышь, не стоит муру разводить и трепать людям нервы. Поверь, пацан, им сейчас несладко. Раз нет доказательств, что ее убили, а для нас это главное, то и проблемы нет.

– Откуда такая уверенность? – прищурился Шурик, словно у него имелся некий козырь, но до поры до времени он его не вытягивал. – У моего отца был случай, когда самоубийца стал жертвой умной интриги.

– Есть одна маленькая деталь, Шурик, которую ты не заметил по неопытности.

– Какая? – насторожился молодой человек, прокручивая в уме отрезок времени с той минуты, как он попал к бассейну, до той, когда он вышел оттуда. Ему казалось, что он все мелочи сфотографировал глазами и надежно сохранил в памяти.

– Полотенце, – сказал Викентий с ухмылкой. – Махровое полотенце, лежавшее поверх махрового халата.

– При чем тут полотенце? – с недоумением спросил Шурик.

– Зачем оно самоубийце? – Разговаривал Викентий с ним как с малолетним мальчиком. – Зачем Нонна бросила его на халат у лестницы, ведущей в бассейн? А затем, Шурик, что она собиралась поплавать и выйти из бассейна, вытереться полотенцем, потом надеть халат на сухое тело. Кстати, там еще и мобила лежала рядом с халатом, не заметил?

– От кого она ждала звонка в три часа ночи?

– Да мало ли! От любовника, например. Или она по привычке не расставалась с мобилой, или вытащила его из халата, чтобы телефон нечаянно не упал в воду, когда она стала бы одеваться. И последнее: как правило, самоубийцы оставляют предсмертную записку.

– То есть она... – запнулся Шурик, жутко разочаровавшись.

– Несчастный случай, – кивнул Викентий и поднял руку: – Ладно, всем пока. Папе-прокурору большой привет, а я пойду разбираться с пулями.

За ним из морга вышел и Шурик. На крыльце он задержался, подумал немного, обидчиво надул губы и произнес, обращаясь к самому себе:

– Несчастный случай? А если это не так?

Шурику особо готовиться к сессии было необязательно: ведь тот, кто пашет в семестре, сессий не боится. Ему безумно хотелось знать точно, что кроется за этим утоплением, и это было не просто любопытство – оно было вызвано наблюдениями. Разве не странно: здоровая и полная сил женщина, в меру красивая и благополучная, в меру успешная, идет ночью плавать – и тонет? Муж отнесся к отсутствию в спальне жены более чем наплевательски – как это понимать? В истории преступлений встречались и такие, что выглядели несчастным случаем, а на самом деле это были тщательно продуманные и великолепно воплощенные убийства. С чего начать, он наметил сразу: по отдельности и ненавязчиво опросить прислугу, потому что обслуживающий персонал обычно знает больше о хозяевах, чем члены семьи. С Шуриком неплохо ладила гувернантка...

– Стой! – замахал он рукой, бросившись наперерез автомобилю. Марианна притормозила, Шурик открыл дверцу и заглянул в салон. – Не подвезешь?

– Если только тебе по пути, – сказала она. – Я еду за детьми в школу.

– По пути, по пути, – заверил ее Шурик, падая на пассажирское место.

– Учти на будущее: я водитель слабый, в следующий раз могу растеряться и наехать на тебя. Так что, Шурик, когда будешь бросаться под мои колеса, заранее напиши предсмертную записку, что твоя смерть – твоя же вина, а не моя.

– Извини, – отнюдь не сконфузился он.

Шурик положил рюкзачок на колени (маленький рюкзак в сочетании с костюмом – это что-то новенькое в мире моды), слегка подался корпусом к дверце, чтобы оценить гувернантку со второго взгляда. И оценил: скромная, блеклая. Нет, она была бы очень даже ничего, если бы хоть чуть-чуть пользовалась косметикой, не зачесывала бы назад выгоревшие до белизны волосы и не собирала их в пучок, отчего казалась лысой. И если бы не одевалась как бомж: легкий пуловер на десять размеров больше, чем нужно, джинсы тоже ей велики, кроссовки старые, изношенные до дыр. Нехорошо женщине содержать себя в таком беспорядке – таково было мнение Шурика, любившего во всем аккуратность.

– Ну, говори, зачем выловил меня? – сказала Марианна, не глядя на него.

– Я не вылавливал, – запротестовал он. – Мы соседи, смотрю – ты выезжаешь...

– Только без обходных дорог, Шурик, давай-ка начистоту, – разоблачила его Марианна. – Мне неохота тратить время и вычислять, что ты имел в виду, произнося ту или иную фразу.

– Почему ты решила, будто я специально подкараулил тебя с целью что-то выведать? – не сдавался он.

– На твоём лице написано, – рассмеялась Марианна. – Оно у тебя преисполнено чувства осознания своего долга.

– Правда? – озадачился он, развернувшись корпусом к лобовому стеклу. Тут же ему пришла мысль, что следует поработать над мимикой перед зеркалом, дабы научиться надевать маску непроницаемости.

– И второе: тебе папа купил машину, какого же черта ты бросаешься под мои колеса? Ездил бы на своей.

– Хорошо, скажу честно. Мне не дает покоя нелепая смерть Нонны Валерьевны, не могла бы ты подробно рассказать о ней?

– О смерти? Ха-ха!

– Нет, о Нонне Валерьевне.

– Зачем? – вторично хохотнула Марианна. – Она же покойница. Какая разница, была ли она хорошей женщиной или злой ведьмой? Ее нет. Понимаешь ли ты это слово, Шурик? Нет – это значит, что все твои и чужие хлопоты ей уже не нужны. Ей не нужны ни воздух, ни земля, ни одежда, ни люди. Все для нее закончилось.

– Ну, знаешь, если бы все рассуждали, как ты, то людей на Земле давно не осталось бы, потому что никто не занимался бы преступлениями.

– А какое преступление ты видишь в смерти моей хозяйки? – подловила его Марианна.

– Не то чтобы преступление... – замялся Шурик, решив впредь обдумывать свои слова. – Колюсь: у меня курсовая горит как раз на подобную тему. Понимаешь, меня не убеждает версия несчастного случая.

Курсовая – конечно, это была ложь. Шурик пользовался ложью крайне редко, потом ему бывало неприятно и стыдно, а позже он заметил: врут все, пусть по мелочам, но врут. Даже в самом честном индивидууме ложь успешно уживается с порядочностью в силу того, что иначе просто невозможно ладить с людьми.

– Ой, Шурик... – Марианна посмотрела на него как на законченного идиота. – Ты подозреваешь... ее убили?

– Почему такие крайности? Просто я не исключаю суицид, а на этот шаг люди не сами отваживаются.

– Да что же я, по-твоему, тупица? Книг и газет не читала, кино не смотрела, живу в глуши и не понимаю, к чему ты ведешь? – с иронией сказала Марианна, поглядывая на него с насмешкой, притом не забывая следить за дорогой. – Не стоит искать убийц в доме. Ты ведь на убийство намекаешь, а не на самоубийство, я просто вижу, как у тебя в голове бродит эта идея. Даже если есть желание избавиться от человека, то это еще ни о чем не говорит...

– А что... имеются мотивы?

– Не цепляйся к словам. Я хотела сказать, что конфликтуют все без исключений, но убивают друг друга считанные единицы. Люди обладают огромным терпением и всегда надеются, что проблема со временем разрешится. А самоубийство... Мне кажется, Нонна ни за что не рассталась бы с жизнью, не тот у нее характер. Произошел несчастный случай, не более. Она сама способна была довести до могилы кого угодно.

– Ты не сочувствуешь утопленнице! – уличил ее Шурик. – А еще я заметил, что ее смерть большого горя не вызвала и у членов семейства. И прислуга равнодушно отнеслась к гибели хозяйки.

Марианна остановилась впритык к школьной ограде, заглушила мотор и повернулась к нему:

– Видишь ли, Шурик... Она абсолютно чужой мне человек, ее смерть мне ничего не принесла. Разве когда умирает кто-то из соседей, ты страдаешь по этому поводу? Ну, повздыхаешь, поохаеть, а через минуту займешься своими делами и забудешь. А почему? Подсознание оберегает тебя от травм, ведь невозможно переживать за всех, иначе сам не доживешь до старости.

Шурик отметил про себя: «Умна, цинична, вероятно, жизнь неоднократно была ее по головке. А странно, Марианна – в критическом возрасте, но семьи у нее нет и детей нет, раз она занимается чужими отпрысками».

– Ты не любила ее, – сделал вывод он.

– Трудно уважать, тем более любить кого-то только за то, что этот человек твой работодатель. Если бы кто-то и решился на убийство в этом доме, то только сама Нонна. Она была... как бы это сказать...

– Ты меня просила говорить прямо, так давай сама покажи пример.

– Умной, тщеславной, волевой, – начала с похвал покойной Марианна. – Злющей на весь свет, спесивой, беспардонной, хамкой! При каждом удобном случае показывала, что она владицица, а ты у нее в услужении.

– Очень интересно, очень! А как ты попала в этот дом?

– Через агентство. Ладно, пока дети не пришли, помогу тебе с курсовой разобраться, хотя не понимаю, зачем будущему криминалисту семейные тайны.

– Сейчас следствие – общее дело, в нем участвуют все службы. В университете мы проходим и следствие, а как же! И потом: у меня, Марианна, генетическая тяга к подобным случаям. В курсовой я намечу версии и объясню, по каким причинам они отпали.

– Ладно, Шурик, убедил. Значит, ты хочешь знать, какой была Нонна...

Девять месяцев назад, в конце августа инструктаж проводила хозяйка лично:

– Ваша комната на втором этаже, рядом с комнатой детей, чтобы вы в любую минуту могли очутиться у них. Туалет и душ – в вашей комнате, остальными ванными и туалетами в доме пользоваться нельзя. Бассейном пользоваться нельзя. Пищу принимать будете с детьми, ешьте сколько хотите, но продукты из дома выносить нельзя. Приводить в дом друзей, тем более мужчин – нельзя. У вас будет один выходной в четверг, в это время можете встречаться с кем угодно и где угодно. Когда дети спят днем, поменьше бродите по дому, особенно без цели. Провожать в школу и встречать старших детей входит в ваши обязанности... Кстати! – Нонна Валерьевна, придерживая легкую кофточку на плечах (было прохладно), развернулась лицом к Марианне, приподняла подбородок, взглянув на новую гувернантку высокомерно. – Вы умеете водить машину? Я должна была начать именно с этого вопроса, но отвлеклась. Мы заказывали гувернантку...

«Заказывали»! Как заказывают костюм, блюда в ресторане, билеты по телефону и прочие услуги.

– Я умею водить, – осторожно перебила ее Марианна. – Но огорчу вас: отечественную машину. За рулем иномарок мне не приходилось сидеть.

– Не беда. Вы получите урок вождения...

И далее продолжились «нельзя». Другая распрощалась бы с хозяйкой после перечисленных запретов, обозначающих полное бесправие, но Марианна отнеслась к этому философски: пусть поиграет в помещицу. Ее мысли во время инструктажа вертелись вокруг нового места обитания, ставя ему оценку. Дом – просто мечта, хотя с первого взгляда он показался небольшим, видимо, из-за огромных и уродливых построек рядом. Небольшой и дворик, но площадь использована рационально – есть детская площадка, место для отдыха, лужайка. Собственно, двухэтажным домиком с двориком сейчас никого не удивишь, более-менее обеспеченные люди стремятся к покою и свободе, а не к стиснутым условиям бытия в квартирах с соседями.

Нонна Валерьевна... Смешно! Ей не больше тридцати пяти, а Марианне тридцать четыре – они почти ровесницы, однако между ними образовалась широкая и глубокая пропасть по инициативе Нонны. Никогда эта эффектная женщина не снизойдет даже до обычного человеческого общения, никогда не спустится с крыши на землю – до небес она тоже не добралась, в общем-то спускаться ей не с такой уж большой высоты, но она и не подумает это сделать. Нонна держалась с подчеркнутой надменностью, при всем при том на счастливую обительницу земного эдема она не походила, иначе с чего бы к ее лицу приросла маска злой колдуньи? Нет-нет: все не так уж благополучно в данном доме, оттого во властном тоне хозяйки, помимо нервозности, проскальзывала неуверенность, что как раз и говорило о ее нестабильном положении. Возможно, так показалось Марианне, а может быть, Нонна Валерьевна – деловая женщина, тащит на своих плечах целое предприятие, в связи с этим у нее масса проблем и пустяки ее раздражают.

Марианна ожидала встретить неуправляемых сорванцов, превращающих жизнь в ад, а познакомилась с вполне приличными, воспитанными и послушными детьми. Но, может, при маме они ведут себя пристойно, а без нее становятся чертенятами? Марианну действительно не пугало изобилие детишек, она считала, что в состоянии справиться с бесконтрольными характерами подростков, а здесь всего-то малыши, что устраивало ее по всем статьям.

Оказалось, высокий уровень их жизни – заслуга Кирилла Андреевича. В представлении Марианны достатка достигали лишь те мужчины, чей возраст переваливал за пятьдесят, отсюда и внешность их рисовалась весьма однообразная: большой живот, лысина, вставные зубы, землистая кожа, глубокие морщины. Подобные мужчины покупают себе все: жен, детей, автомобили, костюмы, положение. Марианна думала, что и по этой причине Нонна Валерьевна была взвинченна – жить со старым мужем далеко не удовольствие. Теория ее не получила подтверждения, так как Кирилл Андреевич был всего лишь лет на пять старше жены, невысок и подтянут, симпатичный, без лысины и живота. А друг его, с которым он приехал на обед, просто отпадный, правда, он не представился, позже она узнала его имя – Антон. Кирилл Андреевич оставил без внимания новое лицо, не соизволив даже выслушать, как зовут гувернантку. Мимоходом бросив приветствие жене, он отправился в кабинет с другом, о чем-то с ним споря.

Когда Марианна улеглась в своей комнате спать, то невольно подумала, что в этом средоточии необоснованной спеси ей будет трудно ужиться со своими привычками и взглядами. Значит, долой свое «я», гордость – туда же, на помойку. Марианна уснула, улыбаясь, потому что вспоминала очаровательные рожицы ребятишек, которым она была необходима. Уж кто-кто, а дети не занесутся от высокомерия, не оскорбят ее и не унижат, к тому же в обязанности Марианны входила забота только о них, с ними она и будет проводить время.

Неделя пролетела незаметно, хозяева не сделали ни одного замечания Марианне, впрочем, она с ними практически не виделась, все время проводила в детской, во дворе (опять же с детьми) или у себя в комнате. Очень тоскливо было по вечерам, без телевизора и книг в

одиночестве скучно, но взять книги в библиотеке она не решалась, а испросить разрешения язык не поворачивался. Шла активная подготовка к школе, все заботы гувернантка взвалила на себя. Поскольку ограничений в деньгах не имелось, Марианна покупала детям все самое лучшее, сохраняя чеки для отчета. Степа шел в первый класс, Злата – в третий, так что забот действительно хватало по горло.

В конце сентября к брату переселилась Полина. Жизнь в доме резко изменилась, и если до этого Марианна не замечала особого негатива, то сестра Кирилла многое проявила, как лакмусовая бумажка. Госпожа Нонна Валерьевна не обрадовалась появлению сестры мужа. Уже через неделю Марианна, выйдя поздним вечером во двор, услышала в ротонде, окруженной декоративными кустами, шипение гадюки и рычание тигра. Они не ссорились в привычном смысле слова, то есть не кричали, не оскорбляли друг друга, но в их интонациях сквозило столько «обоюдной любви», что у гувернантки ноги приросли к земле. Невольно она стала свидетельницей их диалога.

– Почему, почему она должна жить у нас? – шипела Нонна.

– Потому что Полина – моя родная сестра, а этот дом, позволю заметить, мой, – ответил Кирилл. – И в моем доме будут жить те, кто мне нужен.

– У твоей сестры есть квартира, есть муж...

– Ты прекрасно знаешь, что она ушла от него...

– Сбежала! – постепенно начинала выходить из себя Нонна. – Ничего не сказав ему! Собрала один чемодан и, как воровка, сбежала, когда его не было дома. Так не поступают порядочные люди. И к нам нагрянула без предупреждения. А почему она не работает? Так и будет сидеть без дела?

– Повторяю... – сквозь стиснутые зубы процедил Кирилл. – Это моя сестра! Она будет жить здесь столько, сколько захочет. Работать ей или нет – не твое дело, кусок хлеба с маслом в моем доме всегда для нее найдется. И попробуй только упрекнуть Полину или выразить другим способом свое недовольство – я тебя выставлю за дверь. Сестра у меня одна, а вас, баб, более чем достаточно.

По идее самолюбивая Нонна после ультиматума мужа должна была заорать на него, затопать ногами, короче, истерику закатить. Ничего подобного не произошло. Она в ответ промурлыкала с большим чувством морального перевеса:

– Хм, Кирилл, кому ты рассказываешь сказки? Тебя ни один человек в мире не заботит – ни сестра, ни дети. Полина тебе нужна здесь в качестве шпионки или моего раздражителя. И прекрати пугать, ты не выставишь меня, пока сама не захочу уйти, а я в ближайшее время не захочу. Мне нравится мой дом, который я сделала современным и уютным.

– На мои деньги, – внес уточнение Кирилл.

– Ой, не надо кичиться деньгами, я тоже зарабатываю неплохо. И если ты будешь со мной разговаривать как с приживалкой, мне есть чем тебя ударить. Только после моего удара ты не поднимешься.

– Не выдавай желаемое за действительное.

– Желаемое? – рассмеялась она. – Плохая же у тебя память!

– Нонна, мы уже не сможем жить вместе, почему бы не развестись мирно, как это делают нормальные люди?

– Не хочу. Представь себе: я этого не хочу, потому что для меня семья и дети – генеральная линия моей жизни.

– Когда-то я в это верил, – на выдохе произнес Кирилл. – Только ты лжешь. И всегда лгала. Во всем.

– Как и ты, – не осталась в долгу Нонна.

– Ты была другой перед нашей женитьбой, мне не дано было угадать, какая ты есть, потому что мужики смотрят на фасад и принимают обертку за товар. Как в рекламе. Я хотел хорошую мать для дочери, ты, как мне показалось, полюбила Злату, а потом...

– Примитивно подаешь, – прервала его она. Поскольку Нонна была более эмоциональным существом, то прервала раздраженно, видно, дошла до точки кипения: – На тот момент, о котором ты говоришь, мы оба решали свои проблемы за счет друг друга. Тебе нужна была хорошая мать для дочери и безропотная статистка в доме, а мне нужен был хороший и любящий муж, которым бы я гордилась, но никак не жалкий нытик, который превыше всего ставит свою персону. В результате мы оба обманулись, но ты избрал очень удобную позицию жертвы и оправдываешь себя. Между тем это я твою неуправляемую дочь сделала воспитанной и послушной.

– Подавила ее, как подавляешь всех.

– Но ты же снял с себя ответственность, кинул ее на меня, а сам занимался только работой, встречами и банкетами, ездил неизвестно куда и с кем.

– Деньги зарабатывал.

– Теперь еще твоя сестра прибавилась, эпатирует меня нарочно. Я вхожу в комнату, а она демонстративно выходит!

– С тобой тяжело, поэтому я иду спать. Но запомни, Нонна, меня ты не сломаешь.

– И ты не ломай меня, иначе...

Марианна вспомнила, что ее могут застукать, и на цыпочках ушла в дом. Она поняла, почему Нонна относилась к Злате холодно: девочка-то ей неродная.

– Злата всегда чувствовала отношение мачехи, поэтому привязалась ко мне, а Нонну не любила, при ней она замыкалась.

– О каком ударе говорила Нонна Валерьевна? – спросил Шурик, вычленивший из рассказа Марианны то, что касалось конкретного дела. – Чем она собиралась прижать мужа?

– Понятия не имею, – пожала плечами Марианна. – В каждой семье существуют свои «черные ящики», мне туда заглядывать, прости, неинтересно. Знаешь, Шурик, некоторые хотят что-то получить, к примеру, ту же любовь, уважение, а не говорят, как они себе это представляют и что надо для этого делать. Гордость мешает. Хочется, чтобы партнер сам догадался, первым шагнул навстречу, а сами своим отношением отдаляют его. Такова была Нонна. Ее все должны были понимать и угадывать, чего она хочет, затем сдаваться в плен. Игра в одни ворота.

– Неужели Полина в самом деле игнорировала ее?

– Что ты! – усмехнулась Марианна. – Полина не прилагала никаких усилий к обострению обстановки в доме, она явилась не для того, чтобы разрушить ее, тем более что она переживала личные неурядицы, ей нужна была поддержка. А кто был способен ее поддержать? Разумеется, женщина. Только не Нонна. Но именно на фоне Полины стали проступать гнилые отношения в семье. А началось все с телевизора.

– Обычного телевизора?

– Величиной с книгу. Ну, для автомобилей, – рассмеялась Марианна. Ее немного забавлял этот мальчик, вообразивший себя взрослым и умным. – Правда, это был жидкокристаллический телевизор, его мне принесла Полина, – взяла из комнаты для гостей. Нонна подняла визг, мол, украли. Полина объяснила брату, что нельзя лишать меня необходимых вещей, гувернанток даже в царское время не держали на правах прислуги. А Кириллу Андреевичу лишь бы сделать жене назло, на меня ему, в сущности, было наплевать. Короче, он разрешил оставить телик.

– Из-за ерунды такой скандал? – покривил кукольные губы Шурик.

– А Нонне только бы зацепиться, чтобы власть свою показать. Полина старалась держаться от нее на расстоянии, меньше попадаться ей на глаза, чтобы лишний раз самой не заво-

даться. Это правильно. Кто не чувствует отношения к себе? Тебе ни слова грубого не говорят, напротив, с тобою вежливы, даже проявляют участие, советы дельные дают. Но вдруг небрежно в твой адрес бросают некую фразу мягким тоном, после которой тебя долго трясет. Тогда становится ясно: это еще не враг, но далеко не друг. Захочешь ты с таким человеком чай пить?

– Не захочу.

– Нонна считала себя «не читаемой». Я часто думала, чем ей Полина, натура тонкая и добрая, не угодила? А позже, приблизительно в феврале, поняла истинную причину. Она оказалась тривиальной до чертиков.

– Да? – заблестели голубые глазенки Шурика.

Тривиальность, а отнюдь не какие-то глобальные проблемы, нередко является причиной... убийств. Для деморализованных людей, в смысле лишенных принципов и самолюбивых, это наиболее легкий способ победить ситуацию. Шурик затаил дыхание и ждал, что скажет Марианна, а она затянула паузу. Она задумалась, словно прокручивала видеоленту в голове, пытаясь сегодня, сейчас понять, что же произошло на самом деле, и имеет ли она право давать собственную оценку. Кажется, Шурик точно определил ее состояние, потому что Марианна уже не была так уверена, как минуту назад, скорее всего, сомнения пошатнули ее позицию.

– А больше, Шурик, я тебе ничего не скажу. Ты еще маленький, чтобы погружаться в чужие секреты.

Он оскорбился. Но поскольку Шурик был мужчиной, к тому же патриархального склада, он решил не поддаваться на бабские провокации. Марианна придумала себе образ старой калоши, загруженной до отказа знаниями о жизни, но она при всем при том – женщина. Если даже она и наденет маску мудрой совы, по сути, останется курицей, а курица есть наседка, следовательно, она любит поучать птенцов.

– Раз я произвожу впечатление мальчика, – сказал Шурик, – а ты считаешь себя большой и мудрой тетенькой, то поделись, тетя, опытом. Очень хочется повзрослеть! Клянусь, секреты не выдам.

– Ух ты, какой хитрый, – пожурила его Марианна. – Хочешь меня сплетницей сделать? Не выйдет. И выметайся, Шурик, ребята идут.

Не вышло раскрутить гувернантку на поучительную лекцию о превратностях судьбы, а дело-то, видно, именно в превратностях, вернее, в желаниях и противостояниях. Шурик выбрался из автомобиля, гадая, что же в благополучном семействе было не так. Марианна встретила детей, словно приходилась им близкой родственницей: обняла каждого, защebetала, интересуясь их делами в школе, усадила в машину. Впрочем, даже Шурик со своим мизерным жизненным опытом знал, какими злобными бывают родственнички, иной раз чужие люди роднее родных.

Автомобиль ласково зашуршал шинами, разворачиваясь, Марианна помахала ему с улыбкой. Ну вот, теперь ему придется тащиться обратно на общественном транспорте.

3

Ничего он не выяснил, что могло бы пролить свет на внезапную смерть Нонны, которую отвезли на кладбище, после чего жизнь потекла своим чередом. Казалось бы, специалисты трудились над происшествием самым тщательным образом, уж им-то должно было стать яснее ясного: совершено преступление или гибель человека – его же вина, следовательно, чего же Шурику не хватало? А он – без каких-либо на то оснований – никак не хотел признать факт несчастного случая, поэтому зачастил к соседям «на огонек». Наверное, причина лежала в его упрямстве: так бывает, когда молодой человек выстраивает пирамиду из собственных фантазий, потом начинает искренне верить в плоды своего воображения и добывать доказательства. Вторая причина: вода имеет свойство скрывать следы преступления, потому труднее всего доказать убийство, когда достают труп из воды.

Марианна занималась детьми, мрачноватый глава семейства скрывался в недрах дома, в основном в кабинете. Второй этаж был разделен лестницей на две половины: на одной – кабинет хозяина, спальня и просто комната. На второй половине – детская, комнаты Марианны и Полины. Шурик в основном общался с Полиной, что послужило поводом к насмешкам со стороны Антона, в общем-то необидным, посему Шурик не обращал на них внимания, мало того, подыгрывал Антону. Антон будто прописался здесь, каждый вечер разбавлял компанию, часто он вообще оставался ночевать в доме. Шурику жутко хотелось знать, что прячут в себе эти люди, а как узнать, если они не собирались распахивать перед ним свои души? Задача не из легких, и пока что он ограничился наблюдениями. И наблюдать было что: дух утопленницы витал где-то поблизости, может быть, он присутствовал повсюду, потому немногочисленные обитатели дома чувствовали себя не в своей тарелке.

Одно из ценных наблюдений Шурика заключалось в следующем: Кирилл Андреевич по вечерам тихонько куда-то линял, никого не ставя в известность, куда он уезжает. Что в таких случаях делают любознательные люди? Разумеется...

Не откладывая дело в долгий ящик, Шурик весь вечер провел в личном автомобиле, подаренном ему папой, поставив его на площадке у своего дома. И зря просидел. Кирилл Андреевич приехал домой, да так больше и не выезжал.

Следующий вечер Шурик тоже провел в автомобиле, слушая музыку и поглядывая на соседние ворота. Около восьми они открылись. Кирилл Андреевич выехал на скромном «Опеле» и промчался мимо него, Шурик – за ним.

Муж утопленницы остановился в каком-то дворе, окруженном многоэтажками, из машины не выходил. Через десять минут из подъезда выбежала девушка, Шурик обратил на нее внимание лишь тогда, когда она садилась в автомобиль Кирилла Андреевича, и не успел заметить, как она выглядит. Поехал за ними.

Молодая телка – этим все сказано. Телка из тех, глядя на которых стареющие мужики пускают слюни (по мнению Шурика). Не костлявая, не кляча, да и рожица у нее симпатичная, правда, глуповатая. Телка и вдовец вошли в ресторан. Шурик метнулся за ними, но, дойдя до входа, повернул назад – ему туда нельзя! Дяденька Кирилл заметит его, начнутся вопросы, а ведь никому не дано знать, сколько раз в будущем Шурику предстоит «случайно» повстречаться с ними. Шурик запасся терпением и приготовился к долгому ожиданию, намереваясь выяснить, в какой квартире живет телочка вдовца.

Тамара отодвинула меню, даже не посмотрев, что ей предлагают. Заказ сделал Кирилл, неплохо изучивший вкус подруги, но вино попросил выбрать ее.

– Какое-нибудь, – равнодушно сказала она официантке. Взглянув на Кирилла, а тот начал сердиться, дополнила заказ: – Красное полусладкое.

Он закурил, нервно стряхнул пепел, а поскольку к сдержанным людям не относился, приступил к прямому выяснению ситуации:

– В чем дело?

Шурик неправильно охарактеризовал Тамару, поставив ей клеймо «телка», впрочем, если бы она это услышала, то нисколько не удивилась бы: ее все мужчины воспринимали как станок для секса. Да ради бога, пусть станок и телка, но ведь нарушается закон рынка – «деньги – товар»: мужикам хочется даром и чтобы при этом обязательно их любили. На самом деле Тамара была вовсе не глупа, но, когда она замечала, что ее воспринимают как безмозглую мартышку, подыгрывала, что давалось ей без труда. Личико у нее было девчоночье, наивное, и как оно обманывало! В данной стратегии имелся большой плюс: мартышка на то и мартышка, что «не догоняет», как ей повезло встретить человека, не имеющего понятия о корысти. Да, он верит в неземные чувства и в то, что Тамара обязана ответить на них чистосердечно, без задней мысли; он готов к «консенсусу» в кровати, всеми приемами тащит ее туда, искренне изумляясь, почему она артачится. А Тамара, как только поймет, что не та она хризантема, которую мужик мечтает иметь в петлице, что перспективами и не пахнет, начинает искусно держать оборону. Она искала-искала и нашла – Кирилла.

Умной он ее не считал, да она и не претендовала, однако из всех мужчин, встречавшихся по дороге к кровати, Кирилл проявил себя как достойный кандидат в мужа. Во-первых, он – успешный, состоявшийся человек, умеющий зарабатывать и не жмот, это немаловажно, а то ведь основная масса мужиков жила бы раскошелиться даже на скромный букет, не говоря об ужине в кабаке. Во-вторых, Кирилл культурный, он далеко не безобразен; в-третьих, он ответственный, заботливый. Короче, подходит! Недостатки у него были, но с ними Тамара прекрасно мирилась. Ее не испугало ни количество детей, ни жена (разумеется, стерва, иначе-то не бывает, если муж изменяет), ни его неспособность к решительным поступкам – час придет, и он созреет. Тамара была в этом уверена и просто вылезала из собственной шкуры, чтобы привязать его к себе. Мужики устроены просто, как лопата: могут жить только с той, с кем им хорошо, следовательно, надо обеспечить ему это самое «хорошо» по высшему разряду.

Но проходили недели, месяцы, Кирилл медлил с разводом, и она стала тревожиться, что он так и не созреет. Однажды она сказала ему примерно следующее: «До свидания, меня пригласили на престижную работу, я уезжаю, потому что твои обещания чуть-чуть подождать затянулись на три года». И даже чемоданы собрала! А ехать-то некуда, престижная работа – чистый блеф. Вдруг – подарок судьбы: стерва-жена нахлебалась спиртного, затем водички из бассейна и пошла на кафельное дно. Все, препятствий больше не было, но по большому счету для Тамары ничего не изменилось: она заподозрила, что Кирилл уже не горит желанием просыпаться счастливым в ее объятиях на законных основаниях. И он еще спрашивает, в чем дело!

– Ты не слышишь меня? – вернул ее Кирилл из облака темных мыслей в светлый зал ресторана.

– Извини, задумалась, – улыбнулась Тамара. Ее, конечно, иногда заносило, но она вовремя это понимала.

– Мне не нравится твое настроение.

– Жарко.

– Здесь кондиционер. И в машине. Но ты всю дорогу молчала как рыба.

– У меня дома его нет, я просто растаяла от жары.

– Нет проблем, завтра же установлю тебе кондиционер.

– Установишь? – Нет, это чересчур, чтобы терпеть такое! – подумала Тамара. – То есть все останется как было, ничего не изменится?

– Тамара... – протянул Кирилл, страдальчески прикрыв веки. – Должно пройти время.

Он, видите ли, страдает от одного упоминания о своем же обещании жениться на ней, как только развяжется с женой! Вот интересно: ему нужно время, опять ему! Наверное, ей никогда не удастся дотащить упрямого осла до загса. Но Тамара слишком долго ждала, чтобы встать и гордо уйти. Претенденты имелись только на постель, этот хоть обещаниями кормит. Нет, скандалов ему она закатывать не станет, чтобы, упаси бог, он не сравнил ее с утопленной женой. Тамара взяла бокал с вином и прикоснулась краем к его бокалу со словами, пропитанными горечью:

– Время плохо сказывается на мне, Кирилл.

– В каком смысле?

Не понял элементарного намека! Однако правды от нее он не дожидается, во всяком случае, пока что обойдется и полуправдой. Но если только он отправит ее в отставку... пожалеет: она будет очень жестокой, хуже террориста. Впрочем, положение у него незавидное, на мужика с тремя детками не каждая позарится, несмотря на его прочное материальное положение. Да, он не из бедных, но все же не магнат, до олигарха ему тем более далеко, а Тамара реально смотрела на вещи, звезд с неба она хватать не собиралась.

– Понимаешь, Кирилл... – начала она объяснять ему прописные истины голосом небесного ангела, смиренного и тихого. Природа одарила ее личиком целомудренной девы, что весьма удачно иллюстрировало неторопливые фразы. – Три года – большой срок, ты привык быть гостем у меня и теперь, когда ничто не мешает нам соединиться, боишься что-то менять. Я не тянула тебя за язык, ты сам просил меня подождать, пока ты не разведешься с Нонной. И я терпеливо ждала, надеялась. Три года ждала...

– Я свободен, – перебил ее Кирилл раздраженно, – ты это прекрасно знаешь, но со своей свободой я пока не могу делать все, что мне заблагорассудится. Как я буду выглядеть, если приведу новую жену, когда только что похоронил Нонку? Ты ждала три года, неужели нельзя подождать еще несколько месяцев?

– Можно. Можно и год подождать, когда точно знаешь, что твое счастье не убежит.

– Ты сомневаешься во мне?

– Уже не в тебе, а в себе. Я не уверена, потому что вижу только мое желание быть с тобой, а неуверенность рождает вопрос: зачем мне все это нужно? Когда мы с тобой познакомились, мне было двадцать шесть; не хочется вспоминать, сколько у меня имелось перспектив создать семью, но появился ты. Сейчас я бы уже не поддавалась чувствам, а думала бы, где имеется прочность отношений, и приняла бы только ее. Поэтому я и сказала, что время, которое всегда нужно тебе, плохо сказывается на мне.

Опасные слова произнесла Тамара, после них в горлышке у нее запершило. Она отпила из бокала, боясь посмотреть Кириллу в лицо. Если он сейчас станет в позу и пошлет ее, то ей придется купить на блошином рынке старое корыто и лить в него слезы. Неужели ее трехлетние усилия пойдут прахом? Но и тянуть уже невозможно: вдруг он расслабится и поймет, что без жены жить комфортнее? Тамара напряженно ждала его вердикта, и эти минуты оказались длиннее и страшнее тех трех лет.

– Не забывай, у меня еще есть дети, как им преподнести новую мать? – произнес он досадливо, однако без раздражения. – Они недавно узнали, что Нонка... улетела на небеса.

С Тамары будто поток кипятка схлынул: ее упреки он не воспринял в штыки, значит, дорожит ею! Она рассчитала верно, но это еще не успех.

– Вот-вот, ты ищешь причины, а они в тебе, – сказала она все тем же ангельским голоском. – Может, с собой тебе надо разобраться? Но извини, я устала ждать, не видя конечной точки.

– Да пойми, это некрасиво – жениться, когда прошло всего сорок дней. Послезавтра будет сорок. Траур, как-никак.

– Кому какое дело? – пожала плечами Тамара. – Кто сейчас смотрит на формальности? Хорошо, траур... А почему ты до сих пор не познакомил меня с детьми? Необязательно им говорить, что я – будущая мачеха. Может, я и твои дети не понравимся друг другу, тогда тебе не надо будет искать причины...

– Тамара, прекрати! – шикнул он. – В данном вопросе я разрешения у детей спрашивать не стану. Если ты так боишься...

– Боюсь. – Ее ладонь легла на его руку, легла мягко, нежно, глаза светились неподдельной любовью. – Боюсь остаться без тебя. А что плохого в том, что я хочу замуж за человека, которого люблю?

– Глупые у тебя страхи, – окончательно смягчился Кирилл. – Ну, хорошо, давай распишемся тихонько.

– А подвенечное платье? А фата? Я в первый раз выхожу замуж, надеюсь, и единственный, для меня это огромное событие, этот день должен стать особенным и торжественным.

– Ну, тебе решать. Фата и платье – только в конце августа. Да и то рано – положено полгода выдерживать этот чертов траур.

– Ладно, – томно вздохнула Тамара. – Согласна на тайный брак без фаты. Ну хоть кто-нибудь будет у нас на регистрации?

– Только самые близкие. Но заявление подадим после сорока дней, я суеверный.

Наконец-то она одержала победу, трудную, вымученную тремя годами усилий! Тамара может перестать бояться, что однажды Кирилл исчезнет навсегда, а нового кандидата в мужья не так-то просто найти в двадцать девять лет девушке без приданого!

Поздно ночью, в начале первого, Марианна вышла из своей комнаты, решив немного подышать воздухом перед сном – ей не спалось. На всякий случай она заглянула в детскую: Степа может устроить такое – мало не покажется. Как-то зимой мальчик именно ночью надумал проверить огнетушители, залил пеной всю кухню, испугался и поднял крик. Разумеется, досталось Марианне, хорошо хоть сейчас не крепостное право, иначе гувернантку жестоко высекли бы на конюшне кнутом. В детской, к ее радости, все спали в своих кроватках.

Во дворе Марианна устроилась в плетеном кресле-качалке, укрывшись пледом. Она подремывала, когда услышала над своей головой причмокивания: видимо, на балкончике целовались. Но кто? Кирилл уехал, значит...

– Пусти, – сдавленным голосом, – так говорят, когда преодолевают некое препятствие или оказывают сопротивление, – произнесла Полина.

– Теперь-то тебе что мешает?

Марианна узнала Антона. По их интонациям она сообразила, что именно происходит на балкончике. Конечно, он обнимает и целует Полину, конечно, он хочет близости, а она противится и права: сегодня не самый подходящий день для любви – сорок дней исполнилось со дня смерти Нонны, поминки прошли в кафе. Марианна не дышала, ведь если они заметят, что она притаилась внизу, подумают о ней скверно, а злить теперешнюю хозяйку дома в ее планы не входило. Тем временем Полина явно вырвалась из рук Антона, что определилось по ее прерывистому дыханию и звуку шагов к краю балкона.

– Она мне мешает, – сказала Полина. – Мне чудится, она везде! Притаилась за занавеской, стоит за шкафом, спряталась под лестницей...

– Полина, ты взрослый человек или ребенок?

– Не подходи ко мне, – протянула она.

О, слова... Неважно, что слетает с губ, важно, что стоит за словами. Марианна, не видя их, живо представила, как Полина сказала, вернее, как она выглядела при этом: лицо у нее наверняка страдающее и пылающее, в глазах – призыв, и вся она, до кончиков волос, наполнена

противоположными желаниями. Кто же услышит слова, кто выполнит просьбу не подходить? Само собой, Антон через несколько секунд вновь обнимал Полину, шепча:

– Нет ее, нет. Все кончилось! Полина, эта змея нам больше не помешает.

И шепот, и вздохи... Они ушли в комнату. Страсть – штука сильная, но проходит быстро. Марианна по себе это знала.

Внезапно она выпрямилась в кресле, замерла, потом посмотрела направо. Как интересно устроен человек: внутренняя аварийная система просигналила раньше, чем она успела подумать об угрозе. Да, так: еще не подумала, еще не увидела, а почувствовала, получив некий бессознательный толчок в грудь. Огнем обдало все тело, так же быстро он схлынул, но пульс забился с невероятной частотой, словно в Марианне зажило своею жизнью некое существо. Это испуг всего-навсего, примитивный страх перед неизвестностью, когда человек ощущает, что кто-то находится совсем рядом, но этот «кто-то» старается остаться незамеченным.

Марианна пригляделась, ее глаза не сразу рассмотрели за углом смутную фигуру. Значит, там притаился человек. Чего он хочет?

– Кто здесь? – глухо выговорила Марианна.

– Я.

Силуэт отделился от стены, начал приближаться, Марианна не узнала голос, привстала:

– Кто – ты?

– Да я, я. Чего ты испугалась?

– О боже, Шурик! – Марианна упала обратно в кресло, потерла лоб пальцами – его усеяли капли пота. – Ну и напугал же ты меня! Ночь, тишина, никого поблизости – и вдруг... Я уж думала, призрак утопленницы сюда пожаловал. Так до инфаркта можно довести человека.

– Извини, я не хотел. Я в призраков не верю.

Он сел в соседнее кресло. Теперь Марианна убедилась, что это Шурик, а не покойная хозяйка, и за схлынувшим страхом пришло недоумение.

– Что ты здесь делаешь в такой час?

– Я работал, стол у окна стоит, а окно моей комнаты на ваш двор выходит. Смотрю – кто-то бродит у дома. Я подумал, чужой забрался, ну, вор... Тихонько перелез через ограду... хотел вора сцапать. Не сцапал, потому что увидел – это ты в кресле сидишь.

– Какой у нас храбрый сосед! И давно ты?..

– Знаю, о чем ты хочешь спросить. Да, я все видел и слышал. Я в печали.

– Шурик, ты серьезно? – изумилась Марианна. – Считаешь, Полина должна была тебя предпочесть Антону?

И она тоже думает, что он влюблен в Полину! Впрочем, это неплохо, отличное оправдание его частым визитам в этот дом.

– Я что, урод? – вздернул подбородок Шурик. – Или недостойн?

Он сказал это с большим чувством собственного достоинства, чисто по-мужски, но вызвал лишь смех, который Марианна старательно скрыла.

– Да нет, я не в том смысле. Видишь ли, Шурик, ты немного не подходишь Полине... э... по возрасту.

– А, помню: я маленький!

– Не обижайся, ты замечательный парень, не похож на все эти «золотые слитки» золотых родителей, но такова жизнь. Неужели в университете нет красивых девочек?

– Есть, – вяло махнул рукой Шурик. – Одни дуры.

Марианна снова рассмеялась и сменила тему:

– Да, а как твоя курсовая? Закончил трактат?

– Нет. У меня есть время, это курсовая будущего года.

Опять солгал – и даже не покраснел, хотя в темноте цвет лица увидеть никому не дано, если бы и покраснел, Марианна не заметила бы. От своей идеи он не отказался, просто его

следствие все тащится, как пьяная черепаха, ведь с ним никто не откровенничал, и Шурик обдумывал дальнейшие способы добычи информации. При всем при том он не отказывался от возможности подсмотреть за обитателями дома, подслушать их разговоры – чего не сделаешь ради истины.

– Жаркое начало лета в этом году, – зевнула Марианна. – Шурик!..

А произнесла она его имя как-то очень уж странно, словно увидела нечто ужасное. Он повернул к ней голову:

– Что?

Марианна сказала шепотом:

– Посмотри на ограду... Прямо перед собой смотри, направо от ворот. Видишь? Там кто-то стоит или мне мерещится?

Обзор закрывали кусты роз. Шурик, держась за подлокотники, приподнялся, от напряжения прищурился и подтвердил:

– Не мерещится. Стоит. По-моему, это человек. И смотрит на нас.

Судя по тому, что человек держался за прутья – руки, согнутые в локтях, хорошо были видны, – да, он смотрел на двух полуночников. А может, на дом, во всяком случае, Шурику с Марианной показалось, что он изучает их, хотя вряд ли можно разглядеть ночью, кто сидит в креслах. В этой фигуре было нечто противоестественное и пугающее, вероятно, сам факт того, что она стояла ночью у ограды без малейшего движения, делал ее фатальной, а фатальность в наше время – ненормальное явление, оттого пугающее.

– Кто это?! – прошептала Марианна.

– Я пойду и спрошу...

– Нет-нет, – схватила она за руку Шурика. – Не ходи, прошу тебя...

– Ладно, не пойду.

Фигура простояла минут пять, ни разу не шевельнувшись. Внезапно она отделилась от ограды и засемила по улице. Ни Шурик, ни Марианна не смогли определить, мужчина это или женщина – половые признаки стерла одежда в стиле унисекс. Они не стали обсуждать ночное явление, оставившее некий неприятный осадок, но почему-то подумали, что это не случайный прохожий остановился у ограды.

4

Ничего страшного как будто не произошло – брат привел в дом молодую симпатичную особу, желая познакомиться ее с сестрой. Поскольку Антон коротал вечерок здесь же и не ожидал, что Кирилл зайвится с подругой, то нечаянно выдал свои эмоции: поднял брови, опустив уголки губ вниз, после чего смутился. Полина вызвалась накрыть на стол, попросив помочь Марианну. Когда они вошли на кухню, гувернантка заметила:

– Ты нервничаешь?

– Не знаю, – натянуто улыбнулась Полина. – Знакомство это на меня подействовало... то есть Кирилл. Он какой-то загадочно-напряженный. Как ты думаешь, кто эта Тамара? Ой, что я спрашиваю! Конечно, любовница. Но зачем ее со мной знакомить, когда у нас не так давно случилось несчастье?

– Ты уверена, что Тамара – его любовница? – вытаращилась на нее Марианна.

– Уверена, уверена, – закивала Полина.

Вилки высыпались из ее рук, она чертыхнулась, собрала их, бросила на стол, спохватилась, вымыла и вытерла полотенцем, переложила на поднос. «Нервозность Полины слишком уж очевидна, – отметила про себя Марианна, – и как-то неадекватна».

– А давно? – поинтересовалась она. – Я не замечала, чтобы он погуливал при жене. К тому же Нонна Валерьевна заметила бы, если бы он ходил налево, думаю, она не постеснялась бы при мне поскандальить с ним.

– Как правило, Марианна, жены узнают о любовницах своих мужей в последнюю очередь. Думаю, Кирилл с Тамарой давно связался, а Нонна не знала, иначе... Впрочем, она сама не отличалась твердыми моральными принципами.

– Может, Тамара работает у Кирилла Андреевича, и он привез ее на ужин как коллегу, чтобы обсудить текущие вопросы? – попыталась успокоить ее Марианна.

– Поэтому у Антона так вытянулось лицо?

– Ах да, ведь Антон с Кириллом работает, а он явно удивился... Полина, почему ты, собственно, всполошилась? Ну, привел знакомить, ну и что?

– Так, неси поднос с приборами, а я – закуски, – ушла Полина от ответа.

А Тамара довольно легко нашла общий язык с детьми, особенно со Степой и Настенькой. Злата – девочка уже большая, к новым людям она относилась настороженно, поэтому скромно сидела рядом с гостьей и, когда та обращалась к ней с вопросом, стеснительно пожимала узенькими плечиками. Полина приостановилась, увидев эту идиллию на диване, и слегка повернув голову к Марианне, спросила:

– Отведи, пожалуйста, детей в детскую, им пора спать, а потом спустись к нам, поужи-наешь.

Марианна поставила на стол поднос, захлопала в ладоши:

– Птенчики, ко мне! – Дети слушались ее безоговорочно. Уж как она этого добилась – все только руками разводили. Они тотчас сорвались с мест и окружили гувернантку. – Скажите всем «спокойной ночи», нам пора в кровати.

На уговоры Степы, мол, разреши нам еще часик посидеть, гувернантка не поддавалась, наклонившись, что-то шепнула ему на ухо, и мальчик помчался наверх. Марианна взяла за руку Настеньку, обняла за плечи Злату и повела девочек наверх, оставив изумленную публику, включая Кирилла, внизу.

Некоторое время Полина возилась у стола, уходила и возвращалась с тарелками. Она явно не торопилась намеренно, поэтому долго сервировала стол, когда же ее пытались втянуть в диалог, она извинялась и уходила на кухню. Но вот приготовления закончились, Кирилл достал бутылку дорогого вина и шампанское, поднял бокал, предложив сказать первый тост Тамаре.

– За знакомство, – скромно подняла и она бокал, улыбнувшись исключительно Полине. Тамара просто кожей почувствовала, что сестра Кирилла настроена против нее, хотела ей понравиться, при этом действовала осторожно.

Ели молча, поглядывая друг на друга, – все, кроме Полины. Она следила за тем, чтобы у всех были салфетки, подкладывала кусочки то брату, то Антону, который попытался разрядить атмосферу, взяв бутылку шампанского.

– А не повторить ли нам?

Он разлил шампанское и вино. К этому моменту вернулась Марианна. Полина пригласила ее сесть рядом с собой, засуетилась, проверяя, чтобы у гувернантки были все приборы, словно она была важной персоной.

– У всех налито? – спросил Антон. – Тогда мой тост. Выпьем за то, чтобы у нас были такие длинные ноги, которыми мы легко переступали бы через всех врагов и через все неприятности легко и безболезненно.

– Какой чудный тост, – похвалила румяная Тамара.

Выпили, более активно заработали вилками и челюстями, наверное, чтобы не так давило отсутствие темы для разговора – все же приборы звякают, рты заняты, вроде как беседовать некогда. Но Тамара знала: ей надо влиться в коллектив, посему она решилась завязать диалог:

– Марианна, а что вы сказали Степе, почему он сразу перестал спорить и послушался вас?

– Это секрет, Степин и мой, – в ответ улыбнулась та.

– А вот и я! – вошел Шурик, но как-то застопорился, увидев застолье. – Кажется, я не вовремя?

– Вовремя, – вскинулась Полина и на правах хозяйки пригласила его за стол: – Садись, Шурик, поужинаешь с нами.

Кирилл нахмурился, что не ускользнуло от внимания наблюдательного Шурика. Значит, ему не нужны здесь посторонние, а за столом присутствовало новое лицо – та самая телочка, следовательно, как тут было уйти? Шурик в подобных ситуациях обычно прикидывался шлангом.

– Вообще-то я сыт, но раз вы просите... Полина, можно мне сесть рядом с тобой? – спросил он.

Он взял свободный стул и потеснил Антона, который ехидно представил Тамаре наглеца:

– Это Шурик, обожатель Полины.

– Да, обожатель, – не стал отнекиваться юноша. – Чем я хуже тебя?

– Лучше, Шурик, лучше, – заверил его Антон. – Рядом с тобой у меня нет никаких шансов.

– Лукавишь! Пока у тебя все шансы с рычагами. Но ты человек ветреный, а я – серьезный и надежный, в связи с этим твои шансы в скором времени снизятся до нуля, а мои увеличатся, – провозгласил Шурик.

– Ха-ха-ха-ха, – залилась Тамара базарным смехом, но, может быть, и нервным. – Какие вы смешные...

Кирилл бросил на нее взгляд, означавший: «Заткнись». Она притихла, а он, недоуменно переводя глаза с Шурика на Антона, спросил:

– Не понимаю, о чем вы?

Шурик не посчитал нужным уступить слово Антону:

– У нас, Кирилл Андреевич, с вашим другом идет борьба за расположение Полины. Пока, к сожалению, она предпочитает Антона. Но это пройдет.

Теперь и Антон захохотал, покачивая головой: дескать, ну и наглая молодежь пошла! Полине пришлось вступить в их перепалку, как-никак речь шла о ней, но как бы без нее, что было ей неприятно.

– Шурик шутит, Кирилл. Будь это правдой – не обсуждалось бы с такой откровенностью при всех, верно, Шурик?

– Ты так считаешь? – пожал плечами юноша.

Получилось, что Шурик продал чужую тайну. Во всяком случае, Кирилл Андреевич вытаращил на него глаза и не знал, как реагировать! Невероятно, но для него роман сестры с его другом явился новостью. Шурику стало до крайности любопытно: почему эти двое скрывали от Кирилла свои отношения? А ведь скрывали, вне всякого сомнения! Хотя в этом нет ничего запретного, страшного, неестественного. В чем же дело?

Шурик в своих рассуждениях оказался прав: Кирилл действительно ничего не замечал, однако поверил сестре, потому что Антон не подтвердил и не опроверг юношу – возможно, у них такая игра. К тому же сейчас перед ним стояли другие задачи, осуществлению которых немного помешал мальчик-сосед. Тем не менее Кирилл решил, что тянуть не имеет смысла, и, выждав некоторое время, когда все выпили и немного поели (на сытый желудок новости воспринимаются позитивнее), он без дальнейшей подготовки поставил всех перед фактом:

– Мы с Тамарой сегодня подали заявление.

Ни у кого не возник вопрос – какое заявление и куда его подали, это было ясно без уточнений. А пауза вышла красноречивее слов, в какой-то степени ее можно назвать шоковой, ибо вдовец слишком уж поспешил обзавестись новой женой, посему поздравлений он не услышал. А ведь Полину не обманули ее предчувствия! Антон вертел вилку и был поглощен исключительно этим «интересным» занятием, Марианна опустила глаза, теребя салфетку. Тамара вытянулась в струну и с опаской поглядывала на присутствующих. Казалось, новоиспеченная невеста ринется в драку, если только хоть кто-нибудь вознамерится помешать ее бракосочетанию. Шурик так просто застыл, почуяв добычу, способную стать ключиком к его самостоятельному расследованию.

– Почему вы молчите? – В интонациях Кирилла отчетливо послышался протест против всеобщей скорби.

– А что ты хочешь услышать? – тихо спросила Полина, не поднимая на него своих иконописных глаз.

Ну, чего в таких случаях хотят? Поддержки, безусловно. Мол, ты правильно делаешь, часы безжалостно отсчитывают время, жизнь проносится, старость не за горами, в твоём положении с кучей детишек, которым необходима мать, это разумный шаг. Много существует слов, способных умастить чью-то совесть, оглядывающуюся на общественное мнение. Но ни сестра, ни Антон – а именно от них Кирилл ждал хотя бы слабой поддержки – не нашли необходимых дружеских слов. Как человек упрямый, Кирилл никогда не признал бы, что он не прав, особенно тогда, когда сам совершал бездумный поступок и понимал объем ошибки. Соединив брови и поджав губы, он допил вино, поднялся:

– Поехали, Тамара, я отвезу тебя домой.

Жених и невеста ушли под гробовое молчание остальных. Марианна принялась убирать со стола. Шурик, ощутивший атмосферу общего напряжения, вызвался ей помочь. Дома он и за холодную воду не берется, а здесь таскал тарелки как заправский официант – только бы не пришлось откланяться, только бы послушать краем уха разговоры.

– Антон, поговори с ним, – сказала Полина.

– Не буду, не хочу его злить. Тебе не понравилась Тамара?

– Не понравилась, но дело не в этом. Что им так не терпится?

– Думаю, Тамара принудила его к женитьбе. Он с ней где-то года три встречается, по его рассказам, она... совершенство.

– В чем? – подхватила Полина, будто знание достоинств Тамары могло помочь разоблачить ее и убедить брата хотя бы повременить с женитьбой.

– Хм! – ухмыльнулся Антон. – В чем... Да в том самом, в постели.

– Этого мало. Какая из нее мать детям, разве ты не видишь?

– Извини, но и при живой матери мамой у них была ваша гувернантка. Полина, не вмешивайся, ты ничего не изменишь, только испортишь отношения с братом. Знаешь же, какой он бешеный становится, когда ему перечат. А пересуды... Поленька, кого сейчас они трогают?

Она ничего не ответила, опустив ниже голову. Антон подошел к ней сзади, склонился и обнял, поцеловав в шею.

– Так нельзя, – произнесла она. – Я поговорю с ним.

Марианна пришла поплавать. Полина в отличие от Нонны оказалась более лояльной и разрешила ей пользоваться бассейном. Женщина сбросила халат и погрузилась в прохладную воду. Плавала неторопливо от одного края бассейна до другого, устав, легла на воду, закрыв глаза. Плеск потревоженной воды раздавался недолго, в бассейне наступила тишина, пустая тишина, когда вокруг много не загроможденного ничем пространства, в котором ощущается свобода и дышится легко, а стены делают это место безопасным. Но неожиданность подстерегает и в безопасных местах, вдруг...

– Как ты можешь здесь плавать?

– А! – вскрикнула Марианна, мгновенно приняв вертикальное положение и панически разгребая воду руками. – Шурик! Я тебя убью! Какого черта ты так подкрался?

– Извини, я просто вошел, клянусь, я не крался. – Улыбаясь, он присел на корточки у края бассейна. – Думал, ты слышишь. Это ковровое покрытие виновато.

– Фух! – никак не могла прийти в себя Марианна. Она подплыла к лестнице, взобралась наверх и села рядом с Шуриком. – У меня руки и ноги дрожат. В следующий раз топай, пожалуйста, погромче.

Он подал ей полотенце, Марианна вытерла лицо, шею, плечи, глубоко вдохнула и протяжно выдохнула, после этого строго, глазами классной руководительницы, посмотрела на Шурика:

– Что ты хотел?

– Ничего. Смотрю – свет в бассейне, я и зашел.

– А что спросил?

– Не противно здесь плавать после утопленницы?

– Бассейн вымыли и продезинфицировали, от утопленницы даже воспоминаний не осталось.

– Точно, не осталось. Кирилл Андреевич это подтвердил, придя с невестой. Кстати, как она тебе?

– Я в этом доме служу, с моей стороны некорректно обсуждать выбор хозяина.

– Ай, брось, Марианна, – отмахнулся Шурик. – У тебя мнение есть, и оно негативное.

– Что-что? – хохотнула она. – Откуда такие выводы?

– Тамара нравится только одному человеку – Кириллу Андреевичу, это видно без микроскопа. И он, как большинство влюбленных мужчин, слеп и глух, голос разума, то есть Полины, которая собралась уговорить его бросить Тамарку, он не услышит. Представь, он три года с этой росомхой любовь крутит.

– Три года? – открыла рот Марианна. – Тогда это безнадежно.

– Что именно?

– Старания Полины. Странная у тебя ассоциация: Тамара – росомха. Почему?

– Шкурка у нее красивая, а внутри она коварная, злая, хитрая и расчетливая. Правда, сначала она мне показалась глупой телкой.

– Много что-то мы уделяем ей внимания, нас, Шурик, это не должно касаться. Идем в дом, выпьем чаю?

Шурик готов был ночевать в этом доме, не то что чай пить, но в прихожей он придержал Марианну, приложив палец к губам.

Полина ждала брата, она с трудом выпроводила Антона. Чутье ей подсказывало, что сегодня Кирилл не задержится у Тамары: ему, как и ей, надо обсудить сложившуюся ситуацию. Он приехал через час, увидев сестру в гостиной, сразу пошел в атаку:

– Ждешь меня, чтобы начать воспитывать?

– Перевоспитать не удастся даже преступника, а ты – успешный человек, который привык сам решать свои проблемы и выходить из них победителем. Нет, я не собираюсь заниматься твоим воспитанием, хочу лишь попросить... жениться на Тамаре попозже... месяца через четыре хотя бы.

– Мы не собираемся афишировать женитьбу, тихо распишемся, и все, – категоричным тоном заявил брат.

Полина мяла пальцы, подняв плечи и глядя в пол. Неловко указывать старшему брату на его промахи, а надо. Случается, ему отказывает не только чувство меры, но и инстинкт самосохранения, как же не уберечь его от очередной ошибки? А ошибка налицо, она-то как раз и разволновала Полину, кстати, гораздо больше, чем эта скоропалительная женитьба. Но прямо-то не выскажешься, можно действовать только в обход.

– Тихо не получится... – наконец вымолвила она. – Ты же приведешь ее в дом, тем самым дашь повод к разговорам...

– Меня не колышет, что будут говорить ханжи.

– Зря. Нонна утонула при невыясненных обстоятельствах, тебе не показалось, что милиция подозревала нас в ее убийстве? Пойми, поспешной женитьбой ты только подтвердишь, что их подозрения имели основания.

К ее удивлению, Кирилл не вспыхнул, он довольно спокойно заходил вокруг сестры, а в ответ на ее опасения лишь усмехнулся:

– Какое убийство? Полина, это был несчастный случай. Нонка нажралась как свинья, полезла в бассейн и захлебнулась.

– Но все ведь знают, что вы жили как кошка с собакой...

Кирилл наклонился, уперся руками в сиденье стула и заглянул сестре в лицо:

– Экспертиза подтвердила: несчастный случай. Потом, Полина, осточертевших жен не убивают ради новой, с ними просто разводятся. А если убивают, то либо по пьяни в драке, либо психопаты, опять же в драке.

– Но тебе не удалось развестись.

– Все, давай тему закроем, – выпрямился Кирилл. – Я не хочу вспоминать о Нонке, я хочу забыть о ней навсегда.

Полина поднялась, очутившись с ним лицом к лицу. На Кирилла ни в коем случае нельзя было давить, потому она избрала тихий тон, но твердый, что само по себе могло вывести брата из себя. В общем, Полина рискнула стать ему недругом.

– Я прошу тебя только выслушать меня, а решать будешь сам. Дашь мне возможность сказать?

– Хорошо, хорошо, я слушаю.

– Ты уже злишься, – заметила Полина с огорчением. – А я ведь не враг тебе.

– Не злюсь. Давай, давай...

– Не буду говорить, что жениться сразу после смерти жены неприлично...

– Уже сказала.

– Но напомню, – не стала вступать с ним в пререкания Полина. – Свою первую жену ты возненавидел через год после свадьбы, вторую, Нонну, через два года. Знаешь, почему?

– Ну и почему?

– Они обе были похожи. Теперь ты, как очумелый, женишься в третий раз, и какая странная случайность: твоя Тамара похожа на Нонку с Зойкой.

– Чушь, – фыркнул Кирилл, остановившись напротив сестры.

– Похожа, похожа, – заверила его Полина. – Внешне они разные, но ты не видишь их сходства в характере, поведении, манере говорить, даже в жестах. А ведь именно эти кажущиеся мелочи указывают на подвид, и они должны тебя настораживать. Знаешь, почему ты вляпываешься с такой досадной закономерностью?

– Ну и почему? – Он не воспринимал всерьез ее доводы.

– Потому что ты выбираешь женщин сильнее себя и хитрее, женщин-обманщиц, тебя тянет только к таким. Несмотря на твою кажущуюся суровость, ты – ребенок, тебе не хватает любви и восхищения. Предыдущие жены это просекли и закармлили тебя фальшивой любовью пополам с восхищением, как кормит Тамара. Если она тебя любит, почему не уговорит повременить с женитьбой, которая выставит вас перед всеми в тусклом свете? Куда вы торопитесь? Стоп, Кирилл, – подняла она руку, когда он захотел ответить. – Я договорю. Твоя Тамара боится упустить тебя, это же ясно. Но учти, когда ты захочешь выпутаться, тебе это не удастся, как не удалось мирно развязаться с Нонкой. В принципе твой выбор был бы твоим делом, если бы не одно обстоятельство – дети! Ты еще и отец, обязан думать о них.

– Все? – сухо спросил Кирилл.

– Да. Но ничего мне не говори. Сам... сам подумай и реши.

– Я дал слово Тамаре и не нарушу его.

– Ах, ты еще и слово ей дал? – подхватила Полина. – Значит, это Тамара тянет тебя в загс. Она хуже, чем я думала.

Кирилл поспешил наверх. В это же время Марианна потянула Шурика во двор, где напустилась на него с упреками:

– Как тебе не стыдно? Подслушивать чужие секреты нельзя, это дурно пахнет. Не ожидала от тебя, Шурик, ты мне казался приличным мальчиком!

– Но ты тоже слушала, – урезонил ее он, ничуть не застыдившись. – Я бы сказал, с большим интересом.

– Да я сразу не сообразила... – растерялась Марианна. – Фу, кошмар какой! А если бы нас увидели? Я бы потеряла работу, и все из-за тебя.

– Зачем бурю в стакане воды поднимать, когда все сошло?

– Шурик... – вдруг схватила его Марианна, глядя куда-то в сторону.

– Ты что?

– Посмотри туда... – указала она подбородком. – Видишь?

– Ничего не вижу.

– Где наша ограда подходит к вашей.

– А... вижу... Там кто-то стоит.

– Второй раз, Шурик, стоит. И смотрит на нас... по-видимому, на нас... Мне не по себе почему-то. Ты куда? Не ходи...

– Я только спрошу, что этому товарищу нужно.

– А вдруг он ненормальный или бандит...

Она осеклась: Шурик уже выскочил на улицу. Всплеснув руками, Марианна перевела беспокойный взгляд на наблюдателя, который вдруг рванул в сторону от ограды и растаял в темноте. Через мгновение мимо того места, где он стоял, пулей промчался Шурик. На улице не было ни одной живой души, ни звуков, словно все вымерло, включая собак с кошками, а ведь у прокурора собачка живет размером с лошадь, так и она даже не тявкнула на чужого. Марианна неторопливо двинулась по аллее к воротам, выглядывая Шурика. Она не дошла до середины аллеи, как он появился, вбежав во двор.

– Не догнал! – Он прошел мимо нее, тяжело дыша.

– Ты хоть видел, кто это был? Мужчина или женщина?

– Таинственная личность осталась неопознанной, значит, она среднего рода. – Шурик упал в плетеное кресло-качалку, вытер пот со лба носовым платком. – Уф, я взмок весь. Ничего себе – бегаешь! Оно, наверное, спортсмено.

– Странно, странно... – Марианна приблизилась к нему, но осталась стоять. – Второй раз... ночью... Этот человек приходит сюда не просто поглядеть, как люди живут, а с какой-то целью. Ты не заметил, во что он был одет?

– В брюки и рубашку нараспашку с длинными рукавами. На голове панамы... или кепка... не удалось рассмотреть.

– Ладно, Шурик, уже поздно, иди домой.

– Дай хоть передохнуть, я же чуть не умер на дистанции. Иди. В конце концов, я не вор, посижу и тоже пойду домой.

– Спортом надо заниматься, Шурик, мужчина обязан быть выносливым и сильным. Да, не забудь замок перевести на автоматическую защелку, иначе ворота останутся открытыми, а собаки у нас нет.

– Через ограду перелезу, так романтичнее.

– Тогда я из дома их закрою.

– погоди, а что ты Степе сказала? Мне-то можно знать? – вдруг спросил Шурик.

– Можно. Пообещала, что завтра мы поедем в зоопарк, он очень любит зверей. Спокойной ночи, романтик.

Шурик сидел тихо и смотрел в ту сторону, куда убежал наблюдатель. Одежда на «бесполом» человеке была далеко не супер, где-то близка к одежаниям нищих, но не бомжей. Не исключено, что это вор-домушник, выяснявший, сколько здесь живет людей, когда они ложатся спать, покидают ли дом на долгое время.

Второй вариант: это не вор. В таком случае кто? Зачем он приходит сюда и наблюдает? Одно бесспорно: случайность бывает один раз, второй – это уже закономерность, тогда этот вор (или не вор) придет сюда еще раз, только вот когда? Шурик загадал: если это бесполое существо придет сейчас, значит, у него явно имеется некий личный интерес к этому дому. То есть нелишним будет проследить, где оно обитает. А если не придет, тогда это мелкий воришка, надумавший поживиться чем придется.

Прошел час, Шурика клонило в сон. Сладко зевнув и потянувшись, он поднялся и побрел к ограде, разделявшей два домовладения. А на территории бассейна горел свет... Шурик, привыкший к порядку, вынужденно свернул с дороги и зашел туда, чтобы выключить электричество. Про себя он в который раз удивился: Кирилл Андреевич – архитектор, а планировка дома какая-то нерациональная. Нет, сам дом нормально выстроен, но как можно строить бассейн без сообщения с домом? Отдельный вход со двора – это же неудобно, ненужно, какая-то глупая причуда.

Возле бассейна внимание Шурика приковала водная гладь – прозрачная, без единой морщинки, словно отшлифованный кусок стекла простирался перед ним. Он ступил на кафельную дорожку, обрамлявшую бассейн по периметру, прошелся вдоль нее. Дно – вот оно, но это оптический обман, на самом деле глубина тут большая. И совсем не тянуло нырнуть, хотя Шурик большой любитель поплавать. Причина крылась не в утопленнице, а в том, что произошло в целом – здесь побывала смерть. Казалось бы, нет ничего противоестественного в смерти, даже когда она поражает кого-то своей кривой преждевременно и неожиданно. Все же нелепая смерть в бассейне представлялась ему чудовищной несправедливостью, чем-то вроде кары свыше. А раз это была кара, то и смерть Нонны воплотилась в реальный образ, незримый и бесшумный, оттого страшный.

Шурик, очутившись один на один с пустотой, вдруг физически ощутил присутствие некоего ирреального и злобного творения, которое – создавалось такое впечатление – за ним наблю-

дало. Хотелось ударить себя кулаком в грудь: мол, я крутой и бесстрашный, да зачем же перед собой-то лукавить?

Сглотнув от беспричинного страха, Шурик осторожно, словно на него действительно охотился некто невидимый, двинулся к выходу, шагая по ковровому покрытию и держась поближе к стене. Он словно бы целиком воплотился в слух, каждой пóрой своей кожи, да что там – буквально кончиками волос прослушивая пространство вокруг себя и за бассейном.

Едва он перешагнул через порог, как кто-то шарахнулся в сторону, зашуршав кустами. Шурик застыл, вытаращив глаза, однако губы его сами вымолвили:

– Кто здесь?!

Так ему и ответили! В кустах было тихо, кто там притаился – не разглядишь, а желания посмотреть поближе у него не возникло. Не получив ответа, Шурик поспешил к забору, перемахнул его – нечего делать. На своей территории он почувствовал себя в безопасности и присел на корточки, разглядывая в просветы ограды двор соседей... Никого. Возможно, он принял кошку за нечто нереальное, однако кошка не наделала бы столько шума. Это был человек.

5

О счастье! Оно пленительно и упоительно, слаще сахара и меда, оно окрыляет и поднимает из глубин души все лучшее, светлое, праздничное. Эйфория Тамары передалась Кириллу. Да как же можно было остаться равнодушным, видя блеск в ее глазах, ямочки на щеках, ее порхающую походку, ее заботу и предупреждение малейших его желаний? Тамара просто растворилась в нем, шутливо «подавая» свою рабскую привязанность к нему. Кто сказал, будто рабов не любят? Наверное, какой-нибудь неудачник с дыркой в башке, которого не любила ни одна женщина. Кирилл оттаял, он теперь чаще улыбался, признав, что его решение правильное, а выбор, упроченный временем, удачный. Сестра больше не затрагивала тему женитьбы, что тоже успокоило его, он лишь терпеливо ждал (в отличие от Тамары), когда они распишутся, после чего отправятся подальше от осуждающих глаз и языков в небольшое путешествие. Две недели оставалось до знаменательного дня, и, хотя свадьбы в общепринятом смысле не предвиделось, Тамара тщательно готовилась к главному событию в своей жизни. Она все-таки приобрела белое платье, а раз фату нацепить было нельзя, купила прелестный головной убор из искусственных цветов с забавными висюльками и жемчужинами.

Это был обычный вечер. Кирилл уехал к клиенту в соседний городок на пару-тройку дней, она же сортировала вещи, которые следовало взять в дом мужа, а какое-то тряпье попробовать продать, а если же не получится – отдать соседке. Звонок в дверь отвлек ее от этого интересного и необходимого занятия. Тамара посмотрела в «глазок» и торопливо распахнула дверь, напялив радостную улыбку простой, но очень-очень хорошей девушки.

– Здравствуйте. Проходите, Полина, только у меня небольшой беспорядок, я как раз разбираю гардероб.

– Ничего, я не оценивать ваши хозяйские способности пришла, – вскользь обронила Полина, проходя в комнату.

Она села в кресло. Тамара осталась стоять, предложив:

– Чаю или кофе? У меня пирожные и конфетки есть... шоколадные.

Полина смотрела на ее искрящиеся глазки, ямочки на щечках, смотрела на пухленькие пальчики, которые Тамара сложила у груди, словно горничная. А ее локоны? Темно-пепельные пряди, закручиваясь, спускались на грудь; скромный домашний костюм матового цвета, чистенький такой, подчеркивал... ее невинность. Да, невеста брата олицетворяла собой весталку, готовую на жертвы во имя чего-то возвышенного. Полина даже почувствовала некоторое неудобство, вторгшись к ней с меркантильными проблемами. В самый раз попить чайку и чуточку освоиться, но она отказалась:

– Нет-нет, спасибо, не утруждайтесь, я ненадолго... Тамара, я пришла поговорить о вас с Кириллом.

– А что такое? – На лице Тамары обозначилось беспокойство, но она не села, не опустила рук, так и стояла в услужливой позе горничной.

– Вы оба люди взрослые, ваше решение наверняка обдуманно... – Полина взялась за щеки ладонями. – Мне трудно...

– Не стесняйтесь, говорите, что вас беспокоит, – подбодрила ее Тамара, при этом опустив ресницы и переменившись в лице, словно она догадалась, с чем пожаловала сестричка Кирилла.

– Тамара... – решительно начала Полина. – Я очень вас прошу повременить с женитьбой! Не выставляйте Кирилла мерзавцем, который подстроил смерть жены ради вас, ведь все будут думать именно так. И вообще... это нехорошо... Всего два месяца прошло... поймите, нехорошо.

О боже, кажется, она уподобилась многолетней матроне, излишне озабоченной судьбой своего сорокалетнего сына, неспособного к самостоятельности. Тем временем Тамара подняла на нее чистейшие серые глаза и произнесла с обидой:

– Я люблю Кирилла!

Нет, для весталки невеста брата что-то слишком уж проста. Девочка-подросток! Только весьма большого размера и как бы не умеющая дать отпор окружающим хищникам. Полина, не получив от ворот поворот, осмелела:

– Никуда от вас Кирилл не денется, успокойтесь. А чтобы не возникло ненужных и злых разговоров, пересудов, перенесите регистрацию. Мой брат это оценит и более крепко к вам привяжется, поверьте.

– Перенести... – задумчиво и вместе с тем как-то тускло произнесла Тамара. – Я столько ждала этого события, а вы – перенести! Все ваши опасения... это предрассудки.

– Это нормы, Тамара, придуманные задолго до нас, их нельзя обойти. О Кирилле подумайте, если любите его...

– Это вы не думаете о брате, который намучился с Нонной и заслуживает счастья, – совсем с другой интонацией сказала Тамара: в ней прозвучали новые обертоны, отличавшиеся явной раздраженностью, что уловила чуткая Полина. – Я вам не нравлюсь, в этом вся причина! Сначала перенести, а потом вы захотите убедить его не жениться на мне. У меня был миллион возможностей выйти замуж за более богатого, знаменитого...

– Не было у вас ничего, – «приложила» ее Полина спокойно. – Это выдумка для Кирилла, вы боитесь упустить его как свой последний шанс. Именно поэтому, Тамара, вы так упрямы и не жалеете Кирилла, не заботитесь о репутации моего брата...

Ух, как Тамару задел ее назидательный тон, эта нарочитая холодность, указки свысока и наглость! А кто Полина такая, что вмешивается? Всего лишь сестра, не сумевшая устроиться, поэтому и прилипла к брату, она – пиявка. Пора было поставить ее на место, и Тамара сбросила маску интеллигентной девушки:

– Знаешь, Полина...

– Мы уже на «ты»?

Тамара плюхнулась на стул, преобразившись в маленькую зверушку. До большой она недотягивала, несмотря на свои параметры, потому что тьякала как бездомная шавка, которую приютили, и теперь она честно отработывала миску с едой.

– Все равно же будем «тыкать» друг другу, к чему же все эти условности? Так вот, дорогая Полина, я выйду за Кирилла через две недели, хоть ты тут лопни! За свое счастье я поборюсь, три года его строила, и бросать его тебе под ноги я не намерена. И всех, кто вздумает мне помешать, я в порошок сотру, включая тебя, поняла?

– Более чем. – Полина осталась верна себе, она и бровью не повела. – Ты смелая. А дети тебя не волнуют?

– Я люблю детей, – это прозвучало с вызовом.

– Их трое. Всех будешь любить?

– Да хоть пятеро, лишь бы Кирилл их обеспечивал!

– Им не только еда и одежда нужны, мать тоже.

– Ха, можно подумать, Нонка была хорошей матерью!

– Но она была им родной.

– Не всем. Ничего, как-нибудь справлюсь. А ты, если хочешь жить в нашей семье, иди-то тебе некуда, как я поняла, будь добра, не вноси между мной и Кириллом раздор. Ты уйдешь, а я останусь, уж поверь. Не становись мне врагом!

Полина поднялась, несколько секунд глядела прямо в негодующие очи Тамары, затем пошла к выходу, бросив на ходу:

– Я не ошиблась в тебе.

– Ой, не надо делать намеки, говори прямо! – побежала за ней Тамара. – Я люблю правду во всем.

Гостя развернулась, да так резко, что будущая жена брата попятилась на всякий случай и зашарила глазами по сторонам, ища, что бы такое схватить в качестве обороны. Но как ни клокотало все у нее внутри, Полина смогла взять себя в руки и сухо, без эмоций сказала:

– Ах вот как! Правду любишь? Лжешь! Ты обманываешь Кирилла, да еще и вредишь ему. В моей просьбе не было ничего бестактного и страшного, а ты когти выпустила. Но я хотя бы точно убедилась, что собой представляет будущая жена Кирилла: ты расчетливая, хитрая, злая и лживая! Жаль! Моему брату не повезло в очередной раз. Что ж, надо полагать, он этого заслуживает.

От звука захлопнувшейся двери Тамара содрогнулась всем телом. Прошла в комнату, развалилась в кресле, в котором недавно сидела Полина. Жарко... В пот прямо ударило после визита сестрички! Тамара схватила книжку в мягком переплете, обмахнулась ею, процедила, почти не раскрывая рта:

– Каждая тварь будет мне указывать, что и как делать! Да пошла она... пиявка! Ханжа! Вся из себя пушистая, шоколадная... Лицемерка!

Однако... Наговорила-то она Полине мно-ого лишнего. Некстати сорвалась. Нервы, черт их возьми! Так ведь Тамара жила, можно сказать, на действующем вулкане, каждую минуту тряслась: не дай бог, сорвется! Кирилл, конечно, без ума от нее (каких же трудов ей это стоило!), но он подвержен влиянию, вечно сомневается во всем, четкой позиции у него нет... О, легок на помине! Тамара поднесла сотовый телефон к уху, замяукала:

– Кирилл! Наконец-то. Я не звонила, чтобы не отвлекать тебя. Как ты?

– Нормально. Клиент попался придиричивый. У нас же все умеют лечить, учить, строить, вот все и указывают, как надо.

– Пожалуйста, Кирилл, не нервничай, плюнь и береги здоровье. Придерживайся заповеди: клиент всегда прав, так легче, поверь. Я тебя жду, очень жду и скучаю.

Прощаясь, Тамара десять раз поцеловала трубку, столько же раз на все лады сказала «до свидания», раз двадцать вздохнула, давая понять, что разлука для нее невыносима... И задумалась. Надо что-то делать, Полина не остановится.

Ночь она провела беспокойную, то и дело просыпалась. Часа в два встала и поплелась попить воды, как вдруг раздался телефонный звонок. Она подумала, что это Кирилл, хотя обычно он звонил ей на мобильник, взяла трубку.

– Не выходи замуж за Кирилла. – Голос был какой-то странный, глухой, неестественный, он звучал как из водопроводной трубы.

– Вы кто? – сонно осведомилась Тамара.

– Доброжелатель. Не выходи, иначе умрешь.

– У тебя все дома, шутник?

«Шутник» отключился от связи. Тамара бросила трубку, выпила рюмку коньяку – дурацкий звонок ее растревожил, а ей и без этого проблем хватало.

– Одни придурки кругом! – резюмировала она.

Находясь под незабываемым впечатлением того вечера, когда за ним подглядывали в бассейне, Шурик только еще больше уверился в том, что смерть Нонны не была случайной. Правда, этого нельзя было доказать, хоть ты в лепешку расшибись. Но ведь кого-то обеспокоило то обстоятельство, что Шурик посетил бассейн и торчал там минут двадцать, кто-то следил за ним, прячась за дверным проемом! Кто и почему? Это было тем более странно, что всерьез Шурика никто не воспринимал. Значит, существует такой человек, который хочет знать, то есть догадаться, что тут вынюхивает сынок прокурора? В доме в тот вечер оставались только Полина и Марианна. Гувернантке что одна хозяйка, что другая – без разницы, а вот Полине...

Но в образ злодейки сестра Кирилла не вписывалась... да нет, такое могло бы прийти в голову только слабоумному. И достаточно убедительного мотива у нее нет, а вот у брата... М-да, все равно не доказать.

Изредка Шурик все же заходил в бассейн, словно провоцируя того, кто недавно подсматривал за ним, и представлял себе плавающую Нонну. В его понимании плавала она плохо, раз была под большой мухой. Главное, он думал: как утопить человека, не прилагая сил? К примеру, он сам вошел сюда тихо и напугал Марианну, но она же не утонула. Конечно, Марианна плавала трезвая, а Нонна наклюкалась, у пьяного человека события как бы укрупняются в восприятии, и она могла испугаться и сущей ерунды. А как же выражение: «Пьяному море по колено»? И реакция у нетрезвых людей замедленная – Шурик это сто раз видел. Кстати, не настолько уж Нонна была пьяна, если все же могла плавать! Значит, испуг – не совсем убедительная версия, остается потеря ориентиров под водой. Но самоубийство исключается точно, о чем и поведали ее аккуратно сложенные вещи у спуска в бассейн: халат, полотенце и сотовый телефон. Однако теперь потерю Нонной ориентиров не отнесешь к случайности, иначе зачем тогда некто неизвестный подглядывал за Шуриком? Все ясно: Нонну убили, но как?

Шурик проштудировал истории известных преступлений, совершенных в воде. Нашел подходящее, когда жертву резко дергали за ноги и тащили под воду. В этом случае следов насилия не остается, смерть наступает в результате непроизвольного вдоха под водой. Дудки, Нонна была не такая дура, хоть и оказалась пьяненькая, – она не стала бы плавать вместе с заклятым врагом. Следовательно, вместе с ней в воде находился «свой» человек. А в доме на тот момент были Полина, Марианна, Кирилл Андреевич и Антон. Два последних уехали утром вместе на работу. Можно было бы вычеркнуть Антона, но что означают его слова на балконе, сказанные Полине: «Змея нам больше не помешает»? Однозначная трактовка сама просится на ум: змея, то есть Нонна, очень мешала парочке влюбленных, кстати, мешала она и мужу. Вот и считай: кто залез к ней в бассейн? А тут еще болтается некая бесполовая личность, липнущая к ограде...

Странности, происходящие у соседей, жутко заинтриговали Шурика, поэтому, как только наступал вечер, он спешил якобы к Полине. В идеале хорошо было бы вообще не уходить к себе домой, но... И так уж он обнаглел, хорошо хоть люди попались интеллигентные, не прогоняли его.

Шурик вошел вовремя: обсуждалась личность Тамары. По виду Антона Шурик понял, что тот явился незадолго до него. Чтобы не услышать: «Извини, друг, у нас здесь секретный диалог, зайди позже», Шурик поспешил к Марианне. Она занималась с детьми лепкой из пластилина на уютной маленькой застекленной террасе.

– Детскому саду салют! – поднял он ладонь в знак приветствия, одновременно садясь таким образом, чтобы видеть через стеклянную стену Полину с Антоном и в то же время слышать их. – Что ваяем?

– Злата – принцессу, – ответила Марианна, – Степа – танк, а Настя – что получится. Я помогаю Злате. Бери, Шурик, пластилин и слепи нам...

– Я умею лепить только колодец, – придвинув стул к столу, сказал он. – Бревенчатый.

Марианна рассмеялась, разрешив:

– Лепи колодец.

Раскатывая в ладонях пластилин, Шурик поглядывал на спорщиков в гостиной. К сожалению, на террасу доносился лишь неясный бубнеж, изредка отдельные слова, но по ним нельзя было понять, о чем шла речь. Шурик наклонился к Марианне, полюбопытствовал:

– Что это они так активно спорят?

– Все тебе надо знать, – лукаво усмехнулась она. – Полина вчера к Тамаре ходила, просила отложить бракосочетание.

– Не вышло? – догадался он.

– Хуже, – вздохнула Марианна. – Тамара так ее отбрила, что Полина до сих пор в себя не может прийти. Тома показала истинное лицо хабалки.

– Иди ты! Что, вот так прямо?..

– Прямее не бывает. – Шепотом и на ухо, чтобы не слышали дети, она передала со слов Полины подробности вчерашней встречи, закончив: – По-моему, Тамара еще та стерва.

– Да уж... – согласился Шурик.

– Ой, скоро «Спокойной ночи, малыши», заканчиваем, – вспомнила Марианна. – Ну-ка, что у нас получилось? Ух ты! У Степы – настоящий танк... Злата, завтра мы твоей принцессе слепим волосы и диадему. Настенька, что у тебя?

– Ничего не получилось, – скуксилась девочка.

– Ты не права, – взяв в руки кусок бесформенного пластилина, сказал Шурик. – Если повернуть так, то получится ежик, если повернуть вот так, то скамейка, а если так, то... пенек с корешками.

– У тебя талант воспитателя, – похвалила его Марианна, взъерошив Шурику аккуратно уложенные волосы, которые он тут же поправил. – Птенчики, быстро мыть руки и бегом к телевизору.

Оставшись в одиночестве, Шурик задумчиво мял пластилин. Новое лицо, претендующее на власть в этом доме, без сомнения, заинтересованное в смерти Нонны, лучше всех подходило на роль убийцы. Осталось выяснить: как Тамара попала в бассейн? Пришла и сказала: мол, давай поплаваем, заодно обсудим наше двойственное положение? Нет, Нонна не пустила бы ее, мало того, подняла бы крик и вой: караул, воровка пролезла в наш дом! С другой стороны, если попытаться реконструировать ту ночь, то...

– Шурик, иди к нам пить чай, – заглянула на террасу Полина.

– Спасибо, не откажусь.

К чаю прилагались вино, шоколад, печенье, конфеты. Антон, поплескивая вино в бокале, начал цеплять Шурика, видимо, юный друг уже осточертел ему.

– Верный страж Полины, по совместительству мой соперник не пьет спиртных напитков, не курит, ведет здоровый образ жизни... Шурик, тебе не скучно жить так пресно?

– Нет, – ответил тот, будто не замечая подтекста. – Пресной становится жизнь, если человек малоинтересен прежде всего для себя, значит, и для других.

– Ух ты! Надо запомнить выражение.

– Я разве выразился?

– Извини, Шурик, я не так сказал! Ты не выражаешься, а высказываешься, кстати, мудро. Ну а девушки тебя любят?

– Не спрашивал.

– Не надо больше пить. – Полина адресовала эту просьбу Антону, но разве он в состоянии был остановиться?

– У меня голова в норме, – бросил он ей. – А почему не спрашивал, Шурик? Не интересуешься девушками?

– Интересуюсь. Женщинами.

Шурик заметил: чем спокойнее держится он, тем больше заводится Антон. Но нервозность возникла не из-за юного поклонника Полины, это лишь следствие – причина крылась в чем-то другом. А в чем – кто же ему расскажет? Марианна? Кажется, она не прочь посплетничать, одними детьми заниматься, наверное, скучновато.

– Женщинами?! – вытаращился Антон, выпятив губу. – Ну и ну! Молодой, а ранний. И какие женщины тебя привлекают? Поделись, Шурик.

– Молодые, красивые, умные, – перечислил он, прекрасно понимая, что каждое его слово дразнит Антона. – Как Полина и Марианна.

– Что, обе сразу тебе нравятся? Такого даже я себе не позволяю – за двумя зайцами гоняться. А наш Шурик, оказывается, ходок!

– Прекрати! – встала Полина. – Ты ведешь себя...

– Сядь, сядь, – потянул ее за руку Антон. – У нас доверительная беседа.

Кроткая Полина не только слушалась, но и гневно свела брови, резко выдернув руку, тем не менее тона она не повысила:

– Не командуй. Или закрой тему...

– Не ссорьтесь, – вставил Шурик, почувствовав укол совести. – Я не в претензии, Полина.

– А я в претензии, – осадила она и его. – Не люблю пикировки, особенно бестактные.

Это не тебя касается, Шурик.

– Ах, значит, меня? – Антон скрестил руки на груди, глядя на нее с усмешкой. – В таком случае я вообще могу уйти.

– Уходи, – твердо сказала Полина.

И ушел ведь! Допил вино и гордо ушел, к большому разочарованию Полины, что стало очевидным для Шурика. Вероятно, она не научилась скрывать от посторонних свое состояние, а может, юный друг уже не был посторонним, воспринимался ею как родной. Шурик озадачился: что здесь за подводные реки текут? Повод-то Антоша подал смехотворный, стоило ли так заводить на пустом месте? Но перед Полиной ему стало неудобно: это же он, Шурик, спровоцировал Антона, а остановиться должен был тот, кто умнее, значит, опять же он. Поэтому Шурик робко спросил ее:

– Что это он психанул?

– Когда мужчине надо принимать решение, которое ущемляет его привычный образ жизни, он срывает зло на ком придется.

– Извини, я не понял, – с сочувствием произнес Шурик.

Вообще-то сочувствовал он себе, так как Полина вряд ли расшифровала бы свои слова, сказанные слегка дрожащим голосом, будто она сдерживала слезы. Ошибся, однако! Он плохо изучил женскую природу, даже не предполагал, что Полину потянет выговориться.

– Все, Шурик, просто. Я вчера была у Тамары, просила ее отложить регистрацию, а она пригрозила, что выгонит меня из дома Кирилла, если я буду мешать ей. Она права, идти мне действительно некуда. Нет даже работы... – А вот и мотив, отметил про себя Шурик. – Я рассказала Антону... Он рассердился. Видишь ли, он не ожидал от меня подобной глупости.

– А какое решение он должен был принять?

– Никто никому ничего не должен, Шурик, – слегка раздраженно ответила Полина. – Теоретически. А практически – должен, иначе все теряет смысл, все рассыпается. Когда мужчина говорит, что любит, он берет на себя ответственность за свои слова... и не только за слова. Поступки, Шурик, рассказывают о человеке, кто он есть на самом деле. Если же он не совершает их или его поступки противоречат словам, то что скажешь о таком человеке?

– Он негодяй и обманщик, – не пришлось долго думать Шурику.

– Просто трус, – не столь резко выразилась Полина, вместе с тем ее оценку тоже нельзя было назвать шадящей.

– Ты надеялась, что он женится на тебе? – прямолинейно спросил он, не поняв до конца, чего же Полина хотела от Антона.

– Я еще не разведена. – А от прямого-то ответа она ушла.

– Не играет роли, люди живут и в гражданском браке. Скажи, ты ждала от Антона именно этого поступка? То есть предложения?

– Понимания я ждала, участия... – задумчиво шевельнула плечами Полина. Шурику почудилось, что она сама точно не знала, чего хотела. О, женская душа – потемки для юношей наподобие Шурика. – Ладно, хватит об этом, ерунда все...

– Но ты расстроилась.

– Кто тебе сказал? – улыбнулась она, явно бравируя. – Просто я немножко ошиблась в этом человеке... это всегда... неприятно. А знаешь, даже хорошо, что так вовремя выявились все туманные стороны. Теперь я знаю, чего ждать, и никаких иллюзий, верно?

– Ну, раз так получилось с Антоном и тебе некому помочь, выходи за меня замуж.

– Что-что? – развеселилась Полина.

– Почему ты смеешься? А я не шучу! У меня хорошие перспективы, ты мне подходишь – красивая и умная. Это ничего, что между нами нет страсти, потом появится. И дом наш больше вашего, там заблудиться можно.

– Шурик! – рассмеялась она, конечно, не принимая всерьез это предложение, что было правильно. – Не слишком ли ты рационален? Женитьба – шаг ответственный.

– Не спорю, ответственный. Поэтому, на мой взгляд, рациональный подход и обеспечит гармоничное сочетание двух совершенно разных людей, надежность в их отношениях и в конечном итоге любовь.

– С ума сойти! И как же заманчиво поставить такой эксперимент, но... родители тебе не разрешат, Шурик. Я бы тоже не разрешила своему юному сыну испортить себе жизнь.

– Родителей я уломаю. В общем, думай, Полина, а я готов протянуть тебе руку в любой момент.

– Спасибо, Шурик. Во-первых, спасибо за то, что ты развеселил меня, во-вторых, за то, что ты хороший друг.

– Наконец-то ты меня оценила!

Потом они пили чай, и Полина уже не казалась такой удрученной, как после демонстративного демарша Антона, хотя не исключено, что свои переживания и разочарование она спрятала глубоко внутри. Шурик знал из мировой литературы, которую он регулярно читал в часы досуга, что предательство, измена и даже мелкая подлость крепко отражаются на здоровье человека, разумеется, отрицательно. Что касается самого Шурика, отказ Полины он воспринял как нечто само собой разумеющееся, следовательно, ничуть не огорчился, понимая, что, к сожалению, женщины редко «догоняют», когда им везет. Вышел он из дома соседей, когда уже совсем стемнело, постоял на пороге, уставившись на ограду. Но нет – бесполого существа там не было. А что-то все же подсказывало Шурику: оно обязательно придет, и случится это ночью.

6

– Ты, сучка, жить хочешь?

Тамара уже во второй раз слышала «трубопроводный» голос. Признаться, он ее взбесил и напугал одновременно.

– Какого черта тебе нужно? – тихо прошепела она в трубку. – Ты кто?

– Кирилл у тебя, я знаю. Прогони его. Немедленно.

Практичный ум Тамары искал в обертонах этого голоса половые признаки мужчины или женщины, но голос был неопределяемым, он мог принадлежать кому угодно.

– С какой стати ты лезешь в нашу жизнь? – окрысилась она.

– Забудь о нем навсегда, идиотка. Не вздумай выйти...

Тамара нажала на кнопку и со злостью выдернула шнур из розетки. Так-то лучше. Достав из холодильника лимонад и налив его в стакан, она поставила стакан на маленький поднос, понесла в комнату. Но снова раздался звонок. Ясно, кто звонит! Тамара выдернула из розетки шнур второго телефона и, со сладкой улыбкой опустившись на бедро и опершись одной рукой о постель, поднесла милому прохладительный напиток. Кирилл загасил сигарету, взял стакан, поинтересовавшись:

– С кем ты разговаривала?

– Ай, – отмахнулась она, – хулиганы иногда достают. Нравится лимонад? Я сама его готовила, потратила уйму времени. Знакомая дала рецепт, она жила в Африке, там научилась.

– Великолепно. Не кислый, не приторно-сладкий, ароматный и жажду утоляет.

Отставив стакан, Кирилл с поцелуем завалил ее на кровать, одновременно развязывая поясик на ее халатике. Тамара якобы сомлела, а сама в это время думала о звонке. Что за придурок звонил, чего он привязался к ней? Ум-то у нее был практичный, но с небольшим изъяном: ни логикой, ни способностью к анализу, ни прочими плюсами настоящего разума он не обладал. Тамара уловила опасность, но не в том, что ей угрожали смертью, а в том, что на Кирилла некто посягал, значит, звонил не «он», звонила «она», то есть женщина. А кто пытался расстроить женитьбу? Полина! Кирилл приехал, домой не заглянул, сразу к Тамаре заявился, третий день они неразлучны, словно у них медовый месяц уже наступил. Впрочем, Тамара решила подумать о Полине попозже, сейчас на первом месте был Кирилл, дрожавший от страсти, а уж в интимных-то вопросах ее ум давно преуспел, находил верные решения.

Что главное в сексе с мужчиной твоей мечты? Доставить удовольствие, а не получить его, если ты жаждешь прицепиться к мужику. Это – на первичном этапе. Случается оргазм – отлично, не случается – вполне терпимо, потом наверстает не с Кириллом, так с другим. Доставляя мужчине удовольствие, нужно его максимально разнообразить, дело не в позах, а в подаче собственных чувств: чтобы стоны-ахи не были одинаковыми, чтобы твой избранник ни в коем случае не заподозрил притворство. И последнее – пауза после любовного угара. Пусть он лежит истощенным бревном, пусть находится на стадии засыпания и начинает похрапывать, но благодарные ласки, поцелуи и счастливый лепет, будь добра, обеспечь ему в течение хотя бы пяти минут. Можно обойтись без банального лепета, если не хочется лгать: мол, мне так хорошо, так хорошо... и не знать, что под это «хорошо» подложить. Тогда следует потереться щекой о его плечо, оставить несколько поцелуев на теле – не страстных и жгучих, нет-нет, а нежнейших, шелковых, как поверхность лепестка розы, и погладить его по груди. Действует сильно и безотказно, Тамарой это давно было проверено. Он все это запомнит, обязательно сравнит ее с другими женщинами и сделает правильный выбор.

Кирилл похрюкивал во сне, а у Тамары выдалось свободное время, чтобы подумать о звонках. Значит, ее запугивают. Но не убьют же в самом-то деле! Из-за чего ее убивать? Из-за Кирилла? Во-первых, у него других женщин нет, во-вторых, не тот он орел, чтобы из-за

него устраивать бойню. Тогда... звонит Полина. Все упирается в сестричку, которой есть что терять. И она потеряет, Тамара позаботится об этом.

В это самое время Шурик возлежал с наушниками в шезлонге на своей территории, но очень близко к ограде соседей. Позавчера он упустил бесполое существо, которое своими ночными визитами укрепило в добровольном сыщике уверенность, что появляется оно неспроста. И появится еще, ведь что-то оно вынюхивает, что-то ему нужно.

Вчерашний вечер не принес ожидаемых результатов, но у Шурика всегда было колоссальное терпение. Кстати, без него, без терпения, жить нельзя – ни-ни, эту черту необходимо возвращать в себе сознательно, чем и занимался Шурик поздним вечером, заодно слушая музыку. Он надежно спрятался: со стороны улицы высилась сплошная железная стена с воротами, со стороны соседей – прутья и кусты, а видимость при этом была неплохой.

Тень легла на соседскую ограду. Шурик приподнялся, ухмыльнулся: так и есть, ОНО прилепилось к прутьям. Он вынул наушники (а то и собственных шагов не расслышит), уложив плеер на шезлонг, тихонечко подобрался к кустам, отодвинул ветки... Не рассмотрел. Мало того что лицо «объекта» скрывалось под козырьком кепки, так еще и свет падал на него сзади. Но фигура вблизи показалась ему мальчишеской: рост небольшой, плечи узкие, руки тонкие. Мальчик стоял неподвижно минут двадцать, у Шурика занемели ноги от сидения на корточках. Марианна права: спортом пора подзаняться! Но вот мальчик оторвался от прутьев и пошел в ту же сторону, куда обычно убегал. Ага, понятно, почему он уходит: в окнах соседей свет, туда не заберешься. Шурик двинулся к воротам, едва не упал, споткнувшись о московскую сторожевую по кличке Мальва, которая даже не твякнула на чужака.

– Разлеглась, корова ленивая, – прошептал Шурик и выскользнул на улицу.

Мальчик был далеко, шел он быстрым шагом. Шурик, уже не таясь – кстати, кроссовки у него были мягкие и шума не производили, – двинулся за ним.

Пересекли половину города. Пришли на вокзал к пригородным поездом. Значит, мальчик живет за городом и поедет на электричке, но на какой? Пришлось Шурику идти на перрон, там он увидел, в какую электричку сел паренек, взглянул на табло – осталось две минуты до отправления, билет он не успеет купить. В первый раз в жизни он рискнул проехать «зайцем». В конце концов, если нагрянет контролер, он штраф заплатит – деньги Шурик предусмотрительно положил в нагрудный карман рубашки. Сыщик-любитель забрался в вагон, электричка тронулась.

Время было позднее. Народу мало, в вагоне практически пусто. Пройдя несколько вагонов, Шурик заметил знакомую кепку и рубашку в клеточку. Мальчик сидел к нему спиной. Устроившись на жестком сиденье, Шурик вытащил из-за пояса свою кепку, натянул ее на голову, козырек надвинул на нос. Время от времени (особенно на остановках) он поднимал голову, следя за пареньком. Так они проехали некоторое время. Наконец мальчик пошел к выходу. Шурик рванул к дверям с другой стороны вагона.

Станция Никишиха (соответственно так назывался и населенный пункт), освещенная двумя тусклыми фонарями, выглядела неприветливо и запущенно. А за нею стояла потрясающая темень, как в планетарии, – яркое звездное небо над головой при полнейшей черноте вокруг. И – поле. Шурик двигался на слух, по шагам впереди. Так и шел до самой Никишихи, где, к счастью, имелись фонари. Они миновали населенный пункт, мальчик открыл калитку и вошел во двор, затем – на крыльцо и в дом.

Шурик замер, на всякий случай тихонько позвал:

– Тузик! Шарик! На, на...

Не выскочила шавка! Значит, собак во дворе не водится. Он перемахнул через невысокий забор, подкрался к дому, приглядываясь к окнам – ведь какое-то должно загореться.

– Зойка, ты? – раздался старческий голос из открытого окна.

– Я, я, тетя Варя.

Вспыхнул свет в крайнем окошке. Шурик крался туда, слыша голос старухи:

– Все по ночам шляешься, чего тебе нейметя?

– Надо.

– Чего надо? Работать когда пойдешь?

– Я ищу работу. Спице, тетя Варя.

Шурик, сидя под окном, приподнялся – лишь бы глаза оказались над подоконником! Лицо его вытянулось. Не парень, а молодая женщина с каштановыми волосами до плеч расстегивала знакомую клетчатую рубашку. Выходит, она и есть Зойка? Шурик опустил на колени, отполз от окна.

Он еще побегал по улице в поисках ее названия, а так как на доме тети Вари и Зойки не было номера, то просто запомнил ориентиры и двинул в сторону станции.

М-да, попал он в положение! Окошко кассы было закрыто, в расписании значилось, что первая электричка будет только в половине шестого утра. И куда же ему теперь деться? Ночь, такси нет, да здесь вряд ли «таксуют», одна скамейка на перроне, и та без спинки, рейки отодрали лет двадцать назад. Шурик присел на нее, готовясь бодрствовать всю ночь. Жаль, плеер он оставил дома, нечем будет развлечься.

Полчаса – и Шурика потянуло в сон. Он прилег на скамейку, подложив руку под голову. В отличие от городских улиц, нагретых солнцем за день и не успевающих остыть за ночь, здесь царил райская прохлада. Райская – в течение первого часа, после второго часа стало очень свежо, Шурика потянуло утеплиться, а было нечем. Далее человек просто замерзает, естественно, улечувачается и сон. Шурик побегал по перрону, согреваясь. Вдруг он остановился, поежился...

– Только не это! – застонал он.

Начал накрапывать дождик, мелкий и противный. Шурик встал под небольшой навес у кассы, растер ладонями предплечья. А до электрички – уйма времени. В ожидании поезда он то и дело подпрыгивал, чтобы хоть немного согреться: он на собственной шкуре понял, насколько тяжела работа оперативников.

За завтраком, когда Кирилл спешил на работу, Тамара слегка, без давления, затронула большую для нее тему:

– Мне кажется, твоя сестра ко мне относится... предвзято.

– А именно? – доедая бутерброд с сыром, спросил он, кстати, не придавая значения словам невесты.

– Ну... как тебе сказать...

Тамара сообразила: о женитьбе желательно ни словом не упоминать, а то друг любезный возьмет и согласится с сестрой. Да еще найдет кучу дополнительных аргументов: мол, я и так живу у тебя, нам и без штампов в паспортах хорошо... Нет уж, в гражданском браке пусть дуры живут! Надо же и о будущем подумать: мало ли, вдруг они однажды решат разбежаться, такое ведь не редкость, что ж, ей собрать вещи и уйти? А компенсацию за бездарно прожитые годы кто Тамаре присудит?

– Говори, раз начала, только быстрее, – потребовал Кирилл.

– Я ей не понравилась. По-моему, сильно не понравилась.

– Ты не с ней будешь жить, а со мной.

– Но в одном доме с ней.

– Перестань, Тома. Полина – коммуникабельная, тактичная, чуткая, добрая и сдержанная, она в сто раз лучше меня. Не проектируй заранее конфликты с ней, с ее стороны их не будет, поверь мне. Конечно, при условии, если и ты будешь относиться к ней лояльно.

– А я разве говорила, что она мне не нравится? – Чтобы немного задержать Кирилла, Тамара сделала ему еще один бутерброд. – Ешь, ты все еще голоден. Нет, Кирилл, я отношусь к ней нормально, готова полюбить твою сестру, как тебя, но... Полина меня невзлюбила, я это вижу, чувствую... и боюсь ее.

– Не бери в голову. Сегодня же поедем ко мне, останешься в моем доме и постепенно наладишь с Полиной отношения. – Будто это сделать так же просто, как яичницу! – Так, все, Тамара, я побежал.

Она проводила его в прихожую, обняла, чмокнула в щеку и напоследок прошептала, преданно глядя в его глаза:

– Я так счастлива... Иди.

За Кириллом захлопнулась дверь, и Тамара стала настоящей. От ее ангельского выражения и следа не осталось на лице: она мстительно поджала губы, прищурилась, руки уперла в бедра.

– Я тебя вытравлю! – бросила она, адресуясь к отсутствующей Полине.

Камешек был брошен. Потом она бросит второй, третий, и душа Кирилла помутнеет, он погрязнет в конфликтах с сестрой. Однако и Тамаре пора было на работу. Чтобы полежать с Кириллом в постели три дня и три ночи, она отпросилась к «умирающей бабушке».

Все эти дни Антон глаз не показывал. Надо было отдать должное Полине – держалась она стоически. Марианна, догадываясь о том, как ей плохо, предложила свой вариант:

– Я, конечно, не должна вмешиваться, но не могу молчать, глядя на тебя. Тебе не стоило рассчитывать на Антона. Как раньше говорили? С глаз долой – из сердца вон. Мудро! Так и поступи, Полина. Красивые мужчины – вечная головная боль женщины.

– Считаешь меня расчетливой?

Под прямым взглядом Полины Марианне стало неловко.

– Извини, я не так выразилась. Но ты же увлеклась им, увлеклась по-настоящему, а типам вроде Антона нужны только победы, они – поверхностные люди, настоящих чувств лишены. Как и ответственности за свои слова и поступки. При этом нельзя винить только его, он же избалован вниманием, а не был таким от рождения. Честное слово, мне жаль тебя... Прости, если я вторглась...

– Ничего, иногда полезно послушать совет.

– Только советов, какими бы ценными они ни были, обычно никто не слушает, – со вздохом сожаления сказала Марианна. – Кажется, к нам стучат? Странно, дверь-то открыта.

– Может, почтальон? Мне должно извещение прийти, пойду встречу.

Полина распахнула дверь, да так и замерла, сжимая ручку и не мигая.

– Привет, – улыбнулся Ян, поигрывая ключами от машины. – Войти можно?

Вместо того чтобы захлопнуть дверь перед его носом, потерявшаяся Полина отступила и прижалась спиной к стене. Он прошел мимо нее и прямо направился в гостиную.

– Это кто? – бесцеремонно спросил Ян, колючим взглядом уставившись на Марианну.

Та поняла по лицу вошедшей Полины: гость не только неожиданный, но и весьма нежеланный, а третий, как говорится, лишний, Марианна поднялась:

– Пойду посмотрю, проснулись ли дети...

– Сиди, – с нажимом сказала Полина. – Наедине с ним я не стану разговаривать. Зачем ты приехал, Ян?

Он очень хотел, чтобы посторонняя испарилась, послал ей выразительный взгляд: мол, не пошла бы ты куда-нибудь? Но Марианна подчинилась приказу. До этого она и не предполагала, что Полина умеет быть жесткой. Она с любопытством изучала Яна, гадая, кто он такой, а тот, не дождавшись понимания с ее стороны, плюхнулся в кресло, закинул ногу на ногу и повернул холеное лицо к Полине. Да, внешне он был мужчина хоть куда, весьма колоритный. Смуглый

брюнет, кстати, густоте его волос позавидовала бы любая женщина. Глаза светлые, потому и выделялись, губы волевые, как и раздвоенный подбородок. Плечист, мускулист, короче, ярко выраженный самец. И при этом самоуверен, явно нагл, а еще в нем чувствовалось нечто отталкивающее. У некоторых людей негативные черты характера написаны на лицах, как нимбы на иконах, и Ян был именно из этих.

– Я слушаю, – холодно сказала Полина.

– Сначала сядь, – предложил он. Ян был настроен мирно, тогда как от нее несло самой настоящей враждой.

– Спасибо, я постою, – тем же тоном бросила Полина, дав ему понять, что долгой беседы не получится. – Говори быстро, что тебе нужно?

– До сих пор дуешься? Я думал, ты остыла.

– Остыла. К тебе. И подала на развод.

Марианна вытаращила глаза: значит, это и есть муж Полины, от которого она сбежала. Что же он такое совершил, вынудив ее убежать? Тем временем Ян проткнул воздух пальцем, указывая на Полину, – с его запястья сдвинулась к локтю широкая золотая цепь, которую раньше Марианна не заметила. А ведь подобные безделушки обычно дополняют образ и довольно много говорят о человеке. В ее представлении brutальный мужчина не соотносился с цепями и перстнями, а поскольку они имелись, то от него сразу словно бы дохнуло примитивом. Между прочим, мизинец другой руки Яна украшал чудовищный перстень: золотая круглая бляшка величиной с пятирублевую монету. Марианна переключилась на его голос. Ян тыкал в воздух пальцем, отчитывая жену:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.